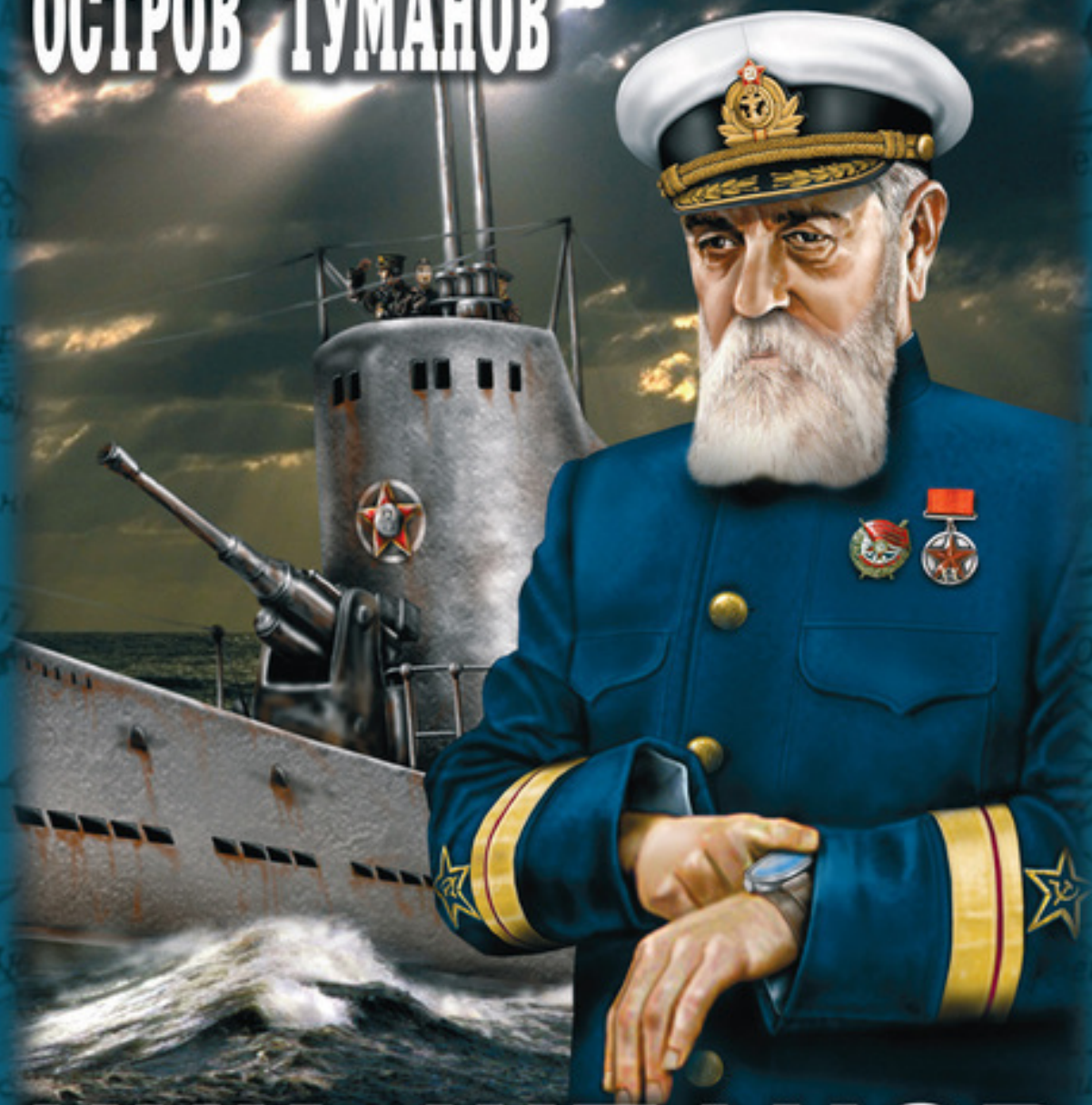

**Военные
Приключения**

ВОЙНА "НЕВИДИМОК" ОСТРОВ ТУМАНОВ

НИК. ШПАНОВ

Военные приключения

Николай Шпанов

Война «невидимок».
Остров Туманов

«ВЕЧЕ»

1943

Шпанов Н. Н.

Война «невидимок». Остров Туманов / Н. Н. Шпанов — «ВЕЧЕ»,
1943 — (Военные приключения)

Годы, предшествующие Второй мировой войне, нередко называют периодом борьбы разведок. Вот и открытие профессора Бураго не могло оставить равнодушным охотников за чужими тайнами. Ещё бы, ведь исследования ученого позволяли укрыть от чужих глаз корабли, подводные лодки, самолеты! Александру Найденову и Павлу Житкову приходится вступать в беспощадную борьбу с гитлеровцами, не собирающимися останавливаться ни перед чем... Знаменитый роман автора многих советских бестселлеров, которыми полвека назад зачитывалась вся страна.

© Шпанов Н. Н., 1943

© ВЕЧЕ, 1943

Содержание

Глава первая. «Погибаю, но не сдаюсь»	6
Мичман Селезнев не сдаётся	6
Честное слово барона	10
Позор изменникам России!	12
Человек за бортом!	15
Все тот же сигнал	17
Прыжок в смерть	18
Мы дружбу связали канатом...	21
Черноморский флот погиб – да здравствует Черноморский флот!	24
Глава вторая. Исчезновение старого факира	27
Почему не видно самолета?	27
Тайна стаканчика	30
Аделина Карловна старается не шуметь	33
Совет молодых	36
Кунсткамера старого факира	38
Старик проявляет растерянность	40
Исчезновение профессора Бураго	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ник. Шпанов

Война «невидимок». Остров Туманов

©ООО «Издательский дом «Вече», 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая. «Погибаю, но не сдаюсь»

Мичман Селезнев не сдается

Южная ночь без сумерек, без переходов стремительно падала на новороссийский рейд. Но и с ее приходом не наступило облегчения от парной духоты дня. Воздух оставался неподвижным. Ни малейшее дуновение не рябило поверхности моря. Последний блеск алой полосы заката, отражаясь от зеркальной воды, дрожащими бликами ложился на матовую поверхность шаровой краски корабля. Видимо, краска эта давно не подновлялась – она успела выцвести, пошла разноцветными подтеками. Беседка, висящая на двух стропах, казалась совсем крошечной на широкой, как стена дома, корме дредноута.

Двое парнишек в тельняшках и подтянутых к подмышкам парусиновых штанах роб, болтая ногами, сидели на беседке. Их бескозырки были сдвинуты на затылки давно не стриженных, вихрастых голов. Двенадцатилетнему «добровольцу» Павлу Житкову, по старинке именовавшемуся юнгой, было приказано надраить медь славянской вязи, которой была выложена по корме дредноута надпись «Воля».

С полудня к Пашке присоединился его дружок Александр Найденов, в просторечье – Санька. Найденов – тоже «доброволец», одноклассник Житкова. Такой же крепкий, коренастый и густо загорелый, как его приятель, облаченный в такую же линялую тельняшку и в такие же, не по мерке, заношенные штаны парусиновой робы, Санька внешне мало чем отличался от Пашки. Разве только тем, что лицо его не было, как курносая физиономия Пашки, до самых глаз покрыто золотистой осыпью веснушек.

Санька был мастер на все руки. Хотя официально он числился всего лишь учеником в мастерских морской авиационной базы, но в душе считал себя уже без пяти минут летчиком. Без памяти влюбленный в свои «гидрошки», он готов был целыми днями возиться около них. К другу Пашке он подгрел для того, чтобы посоветоваться, как быть дальше: самолеты были почти беспризорны, им грозила гибель.

Тут было о чем подумать.

Мальчишки провели на беседке все время с обеда, а медь надписи оставалась такой же темной, как была.

На кормовой балкон адмиральского салона несколько раз выходил долговязый рыжий офицер. Он поглядывал на беспечно беседующих мальчишек, нерешительно переминался с ноги на ногу и уходил обратно.

На баке пробили склянки. Вразброд, словно нехотя, отозвались разноголосые рынды с эскадры. Силуэты кораблей расплывались во тьме надвигающейся ночи.

– Так ни фига ты мне и не присоветовал, – сказал Санька, подбирая ноги. Он потянулся и лихо сплюнул длинной стружкой в темную бездну под беседкой. – Нужна нынче кораблю драеная медяшка, как мертвому припарки.

– Не скажи, небось и п-покойника к смерти а-а-обряжают, – чуть заикаясь, ответил Пашка.

– Неужто и впрямь топить?

– А т-ты думал! Ленин ясно приказал: германцам флот не да-авать!

– Это-то ясно, – согласился Найденов, – а все-таки... Сила какая! Строили, строили – и на!

Пашка стал молча собирать принадлежности для чистки меди.

– Пошли, што ль?

– Ты иди, а я еще малость подымлю, – с важностью ответил Найденов и снова растянулся на доске. – Ты меня не жди. Я в туза – и до базы.

Житков перекинул через плечо сумку со снастью и стал ловко взбираться по штормтрапу на высокий борт корабля.

Тем временем в кормовом салоне «Воли» происходило следующее. За круглым столом, в центре каюты, полный офицер в кителе нараспашку торопливо дописывал страницу. Это был капитан первого ранга Тихменев, командир линейного корабля «Воля». После каждых нескольких строк Тихменев досадливо морщился и перечитывал написанное. Ему мешали два других офицера, вполголоса споривших на диване. Один из них, – высокий, худой, длиннолицый, с рыжими колбасками бачков на розовых щеках флаг-офицер старший лейтенант барон Остен-Сакен, – убеждал второго – маленького, крепкого мичмана Селезнева:

– Вы единственный офицер на корабле, к которому «братишки» относятся более или менее по-человечески. Кроме вас, никто не может покинуть корабль. Мы все под негласным арестом. Начиная с командира. Хотя формально он и замещает отбывшего флагмана.

– Именно потому, что матросы мне доверяют, я и не вижу возможности покинуть корабль с таким поручением.

– А, все это слова! – раздраженно сказал барон. – Пустые разговоры, которыми вы хотите прикрыть свои страх перед матросней!

Селезнев вскочил с дивана:

– Господин старший лейтенант!.. Вы имеете дело с офицером!

– С бывшим, господин Селезнев, с бывшим-с...

Тихменев поднял голову:

– Господа, господа! – Он развел толстыми руками. – Вы забываете, что нынче даже стены имеют уши. Право же, не время для ссор, господа. – Он стал тщательно складывать лист, проводя по сгибам широким, аккуратно подстриженным ногтем. – Петр Николаевич! – Селезнев подошел к столу, Тихменев смерил его пытливым взглядом. – Считаете ли вы себя сыном России и способны ли для флота рискнуть головой? – Тихменев протянул мичману запечатанный конверт. – Чего бы это ни стоило, вы должны доставить пакет на «Свободную Россию». Лично кавторангу Терентьеву. Никому иному. Понятно?

– Понятно... Но... – Селезнев замаялся. – Я должен знать, что здесь написано.

Тихменев с удивлением глядел на Селезнева. Стоящий за спиной мичмана Остен-Сакен делал командиру какие-то знаки. Видя, что тот не понимает их, флаг-офицер сказал:

– Разрешите мне, господин каперанг, сообщить мичману содержание письма?

– Я думал, мои офицеры еще не уподобились этому сброду, – хмуро произнес Тихменев. – Но если... мичману недостаточно моего приказа, – Тихменев пожал плечами и передал пакет Остен-Сакену, – поступайте, как знаете. Пакет должен быть доставлен сегодня ночью. – Тяжело ступая, он пошел к выходу. У самой двери приостановился и повторил: – Слышите? Доставить сегодня же ночью, во что бы то ни стало. Завтра будет поздно.

Тяжелая, резного дуба дверь затворилась за широкой спиной Тихменева.

Остен-Сакен держал конверт за углы длинными пальцами, поросшими такими же рыжими волосами, как на щеках.

– Вам угодно знать содержание письма? – подчеркнуто вежливо спросил он мичмана.

– Точно так, господин лейтенант! – твердо ответил Селезнев.

– Извольте-с. – Глядя на Селезнева бесцветными остзейскими глазами, Остен-Сакен отчеканил: – Даю точный текст: «С получением сего приказываю безотлагательно приступить к выполнению директивы Совета Народных Комиссаров. Дальнейшее промедление может повести к непоправимым последствиям для всего флота и для России», – барон на секунду умолк и насмешливо сказал: – Ну-с, а директива господ народных комиссаров вам, вероятно, известна: русским морякам во что бы то ни стало стать самотопами. По мнению «товарищей», лучше

потопить корабли, чем передать немцам или хотя бы жовто-блакитному хохлацкому правительству. Вместо того чтобы когда-нибудь получить корабли обратно в целости и сохранности... – не досказав, он выразительно показал на палубу.

– Если корабли попадут в руки немцев или этой самой Рады, на них будет поднят германский флаг. Они больше никогда не станут русскими. Будут держать под своими пушками наше побережье, будут драться с кораблями, которые останутся верными России, – горячо проговорил Селезнев.

Водянистые глаза Остен-Сакена сузились:

– Значит, вы не расходитесь во мнении с господами «товарищами»?

– Нет! – резко ответил Селезнев.

– И согласны с потоплением эскадры?

– Так точно.

– Ну, так везите этот пакет без колебаний.

– Я должен видеть текст, – настойчиво повторил Селезнев.

– Вам недостаточно моего слова?

– Нет.

Остен-Сакен смешался.

– Ну, знаете ли, мичман, это уже переходит всякие границы. – Он потянулся к письму. – Хорошо... Я переведу вам текст. Во избежание ненужного любопытства, оно написано по-английски.

– Благодарю вас, – сказал Селезнев. – Прочту и сам.

– Ни в коем случае. Верните пакет! – Остен-Сакен рванулся к Селезневу, шагнувшему было к двери. – Слышите: отдайте пакет!.. Или...

Селезнев остановился:

– Или?..

– Все узнают, вся Россия узнает, что вы не офицер, да, да, не офицер, а...

– Ну-с, договаривайте.

– Вы не офицер, вы изменник России, вы большевик-с, милостивый государь, – задыхаясь от злобы, шипел барон.

Селезнев круто повернулся и, не отвечая, пошел прочь. Но прежде чем он успел взяться за ручку двери, за его спиной глухо прозвучал выстрел.

Селезнев качнулся, вытянул руки, будто пытаясь уцепиться за воздух, и без звука упал...

В каюту вбежал испуганный Тихменев. В руке Остен-Сакена еще был зажат браунинг.

– Что, что случилось? – Увидев тело мичмана, Тихменев остановился как вкопанный. – Что вы наделали! Боже мой, что вы наделали! – простонал он, хватаясь за голову. – Боже мой, боже мой!..

Но Остен-Сакен не дал командиру времени хныкать. Подчиняясь указаниям барона, тучный каперанг послушно помог ему перенести тело мичмана в адмиральскую спальню. Труп забросали одеялами и замкнули каюту на ключ.

Вернувшись в салон, Тихменев повалился в кресло и промямлил:

– Ведь он член судового комитета! Что вы наделали!

– Завтра мы будем в море... – закуривая, мечтательно сказал Остен-Сакен. – И никакие комитеты не помешают нам спустить мичмана за борт по всем правилам похоронного искусства.

– Как бы я хотел уже быть в море! – уныло произнес Тихменев.

– Директива Эйхгорна ясна: вернуть корабли в Севастополь.

– Если бы это было так просто!

Остен-Сакен криво улыбнулся. Но то, что он в этот момент увидел, согнало улыбку с его тонких губ: прильнув к зеркальному стеклу двери так, что нос расплющился в широкий белый

пяточек, на кормовом балконе стоял Найденов. Глаза его были полны испуга и любопытства. По этим глазам Остен-Сакен понял, что Санька видел все. Одним прыжком офицер оказался у двери, распахнул ее и втащил мальчика в каюту. Не прошло и пяти минут, как Санька оказался в той же спальне, где лежало тело Селезнева. Крепкие веревки стянули ему руки и ноги. Он не мог сделать ни одного движения. Тугой кляп плотно сидел во рту.

Честное слово барона

Рука барона слегка вздрагивала, когда он подносил спичку взволнованно закуривавшему командиру.

– Какая страшная оплошность! – плаксиво пробормотал Тихменев.

– Да, мальчишка мог испортить все дело, – согласился Остен-Сакен. – Удивительно, как я забыл, что эти паршивцы целый день торчали тут, на беседке. Нашли тоже время медяшку драить...

– Да, да, конечно, – покорно согласился Тихменев. – Их там было двое?

– Так точно. Вторым был наш юнга.

– Где же он?

Остен-Сакен растерянно взглянул на Тихменева.

– Вы правы. Нужно его найти.

– Боже мой, – опять застонал Тихменев, – если он что-нибудь видел!..

Но Остен-Сакена уже не было в салоне. Он мчался по проходам корабля.

Прошло не меньше четверти часа, пока он вернулся к Тихменеву, сопровождаемый Пашкой Житковым.

– Ну, дружище, рассказывай, что ты видел, – с наигранной ласковостью спросил барон, плотно затворив дверь салона. – Ты был здесь минут пятнадцать тому назад?

– Никак нет, не был, – твердо ответил мальчик.

Тихменев вопросительно взглянул на Остен-Сакена:

– Значит...

– Небось, это Санька, – весело перебил его Пашка. – На-найденев Александр, с ги-идробазы, летчик... Он тут на беседке оставался па-акурить.

– Летчик?.. Так, так... – Барон неопределенно покрутил пальцами и неожиданно вынул из кармана портсигар. – Кури.

Пашка смешался:

– Б-благодарю покорно, не курим.

Офицеры заговорили между собой по-английски.

– Великолепная идея, – сказал Остен-Сакен. – Этот парень отвезет пакет Терентьеву.

– Вы думаете? – нерешительно спросил Тихменев.

– Он может уйти с корабля, не возбуждая подозрений, – сказал Остен-Сакен и обратился к юнге: – Хочешь получить двадцать пять рублей... нет, пятьдесят?

– Это к-керенками-то? На что мне? – пренебрежительно ответил Пашка.

– Вот как, ты бессребреник?! – насмешливо сказал барон. – А что же ты хотел бы иметь? – заискивающе спросил он. – Что бы ты хотел получить? Хочешь настоящими, романовскими?

Пашка отмахнулся.

– Так что же тебе надо? – раздраженно спросил барон. – Ну, говори же: больше всего, что?

– Б-больше всего? – Пашка подумал. – Больше всего?.. Небось не дадите...

– Командир все может, – сказал барон. – Говори же!

– Браунинг! – мечтательно вздохнул Пашка.

– Получишь браунинг! – обрадовался Остен-Сакен. – Но за это ты должен исполнить просьбу командира.

– Про-осьба просьбе рознь, – с неожиданной степенностью произнес мальчик.

При этих словах что-то похожее на добродушную ухмылку пробежало по широкому лицу Тихменева. А барон строго сказал:

– Командир обращается к тебе, потому что знает, ты стоишь взрослого матроса. На тебя ведь можно положиться? – И после краткой паузы: – Мичмана Селезнева знаешь?

– А то как же.

– Так вот: твой приятель... как его?

– Санька?

– Вот, вот. Он на шлюпке повез сейчас мичмана Селезнева на «Свободную Россию» с важным поручением. Но мичман забыл здесь еще один пакет. Нужно доставить вслед Селезневу. Можешь?

– Па-ачему нет?.. Доставим.

Тихменев пальцем подозвал юнгу.

– Видишь пакет?

– Т-га-ак точно.

– Тут важные документы. Доставишь конверт капитану второго ранга Терентьеву на «Свободную Россию».

– А вам небось расписку?

– Мы сделаем так. – Остен-Сакен взял листок и набросал несколько строк. – Вот слушай, что я пишу кавторангу Терентьеву: «Доставившему этот пакет выдайте браунинг с патронами». Понятно?

– Ка-ак... ка-ак... – расплываясь в улыбке, говорил Пашка. Больше обычного заикаясь, он не сразу смог договорить. – Как не понять!

Барон вскрыл конверт и быстро набросал под подписью Тихменева тоже по-английски: «Этого прохвоста – подателя сего – ни в коем случае не выпускайте с корабля». Он старательно заклеил конверт, запечатал его сургучом и передал Пашке:

– Спрячь хорошенько.

– Будьте покойнички, не потеряем! – Пашка спрятал конверт под тельняшку. Он хотел было уже идти, но вдруг остановился: – А не обманут, дадут браунинг? – спросил он Тихменева.

Вместо ответа тот кивнул в сторону Остен-Сакена. Барон внушительно сказал:

– Честное слово, ты получишь свое. Но уговор: ни одна душа не знает о твоём отъезде с корабля. Есть?

– Есть!

– Вот это настоящий моряк! – сказал барон на прощание и двумя пальцами покровительственно, похлопал парнишку по плечу.

Не чувствуя под собою ног от радости, Пашка выбежал из салона.

Каждое слово, сказанное в салоне, было ясно слышно в адмиральской спальне. Связанный Санька не мог ни шевелиться, ни говорить, но ничто не мешало ему слушать. Он, как угорь, извивался на ковре, покрывавшем палубу спальни. Бился головой, перекатывался с боку на бок – все напрасно: путы оставались такими же крепкими, кляп так же плотно сидел во рту. Из салона ясно донесся стук стальной двери, захлопнувшейся за Пашкой.

– Слава богу, – произнес Остен-Сакен.

– Это мы скажем, когда Терентьев даст нам сигнал, что готов следовать за нами в Севастополь, – сказал Тихменев, в сомнении покачивая головой.

Покрытые рыжей шерстью пальцы барона не спеша переходили от пуговицы к пуговице. Он расстегнул китель, закурил и, с наслаждением затянувшись, сказал:

– Gott mit uns!

Позор изменникам России!

В ночь с 16 на 17 июня 1918 года в Новороссийской бухте началось необычное оживление. Команда линейного корабля «Воля», распропагандированная представителями Новороссийского Совета, державшего руку Кубано-Черноморской рады, поддержала Тихменева. Было решено идти в Севастополь. К морякам «Воли» присоединились команды нескольких миноносцев. Были корабли, где мнения команды разделились: одни стояли за то, чтобы топить суда, меньшинство – за поход в Севастополь. С таких судов отгребали вереницы шлюпок на миноносцы, собиравшиеся уходить, и главным образом на «Волю», чье решение плыть в Севастополь считалось самым твердым. Были суда, совсем или почти совсем покинутые командами.

В числе кораблей, брошенных экипажами, был и дредноут «Свободная Россия». На его борту осталось едва шестьдесят матросов. Командир линкора Терентьев давно уже сочувствовал планам Тихменева. Получив через юнгу Житкова прямое указание подготовиться к походу, он делал отчаянные попытки поднять пары. Но кочегаров, согласившихся нарушить приказ Советского правительства, на линкоре было мало. Их не хватало на обслуживание даже половины котлов.

В ванной командирской каюты был заперт юнга с «Воли», доставивший Терентьеву предательский приказ Тихменева. Под утро командир корабля, устав бесплодно бродить по его нескончаемым палубам, вернулся к себе в каюту. Он был совершенно измучен напрасными попытками поднять пары. Он понял, что предстоит либо до конца разделить участь своего корабля и, как велит традиция, вместе с ним погрузиться на дно моря, либо покинуть его навсегда. После недолгих колебаний выбор был сделан. Терентьев стал собираться в путь, но тут он вспомнил о своем маленьком пленнике. Подумав, Терентьев выкинул ключ от ванной в иллюминатор и завалил дверь в нее всякими вещами, придав им такой вид, будто они уже давным-давно не разбирались.

Пашка между тем безмятежно спал в своем заточении, не подозревая о ловушке. Во сне он крепко сжимал потеплевший от его маленькой руки черный браунинг. Сон мальчика был крепок благодаря стакану портвейна, которым угостил его офицер. Когда же он разомкнул наконец отяжелевшие веки и захотел выйти из ванной, никто не отозвался на его стук. Дредноут был уже покинут Терентьевым и всей командой. На стальном гиганте не осталось ни единой живой души. Напрасно стучал Пашка в дверь кулаками и ногами, напрасно бил в переборки всем, что попадалось под руки, – ему отвечало только глухое гудение стали.

Ничего не понимая, он опустил на решетчатую скамеечку около ванны.

«Что ж это такое? В тюрьме я, что ли?.. Кабы Саньку сюда! Он бы меня вызволил, непременно бы вызволил!» – растерянно думал Пашка.

Он не знал, что на борту «Воли» его друг находится в еще более тяжелом положении, чем он сам.

* * *

По тому, что говорилось в салоне «Воли», Санька Найденов мог составить представление о происходящем: «Воля» готовилась к походу. Ее стальные переборки уже дрожали мелкой, едва заметной дрожью оживающих машин. За ночь на корабле собрались толпы дезертиров. В числе их было и несколько кочегаров-эсеров, помогавших офицерам-изменникам поднять пары. Решившие идти с «Волей» в Севастополь команды миноносцев уже выводили свои корабли на внешний рейд Новороссийска.

Прислушиваясь к движению на корабле, Санька не смыкал воспаленных от бессонницы глаз. Снова и снова пытался он освободиться от своих пут. Но веревка на руках не ослабевала,

а еще сильней впивалась в тело. Мальчик чувствовал, что руки его растерты в кровь. Невыносимо саднила раны жесткая пенка. Ничего не удалось сделать и с кляпом во рту. От него ломило скулы, судорогой сводило челюсти.

Временами, когда силы иссякали в безнадежной борьбе, безразличие отчаяния охватывало Саньку. Он затихал. Но стоило услышать за переборкой голос рыжего барона, как ненависть охватывала все его маленькое существо. Воля к свободе заставляла мысль и тело напрягаться в отчаянном усилии сбросить путы. И вдруг Саньке показалось, что веревки не так уж сильно сжимают затекшие лодыжки. Затаив дыхание, он попробовал шевельнуть ступнями, и – о радость! – ими можно было двигать!

Не думая о боли в суставах, о свинцовой тяжести, которой от усилий наливалось все тело, он стал шевелить ногами. Путы поддавались. Прошло часа два, и ноги были свободны. Найденов мог встать, оглядеться, мог ходить! Он устремился к иллюминатору. Величественное, хотя и печальное зрелище представилось ему. Большая часть кораблей минной дивизии, оставшихся верными власти рабочих и крестьян, – «Гаджи-Бей», «Фидониси», «Калиакрия», «Пронзительный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый» и «Стремительный», – стояли неподвижно, с приспущенными флагами, словно на них были покойники. Мимо них, оставляя за кормой траурные султаны густого дыма, тихо шли несколько миноносцев-изменников. Следом за миноносцами, глядя в яркое утреннее небо хоботами башенной артиллерии, медленно, как неповоротливое, ленивое чудовище, разворачивался дредноут «Воля». Как по команде, поднялись матросские руки над бортом «Гаджи-Бея», «Фидониси», «Сметливого». Кулаки были сжаты. Единодушный вопль вырвался из тысячи грудей. Саньке показалось, что он различает слово «позор». От строя остающихся кораблей отделился миноносец «Керчь». Он выдвинулся так, чтобы его было видно со всех концов бухты, всем, кораблям и городу. На мостике показалась худая фигура командира – старшего лейтенанта Кукеля. Его кулак поднялся над головой так же, как были подняты тысячи других кулаков. На рей «Керчи» взлетели яркие флаги сигнала: «Кораблям, идущим в Севастополь: “Позор изменникам России!”»

Неужели этот сигнал презрения относился и к нему, всегда считавшему себя неотъемлемой частичкой боевого Черноморского флота? К нему, Александру Найденову, будущему морскому летчику?! Нет, этого не могло быть! Он не может уйти к немцам! Не может, не смеет рыжий барон вырвать его живым из рядов людей, верных Ленину!

Санька в отчаянии огляделся. В каюте не было ничего, что могло бы помочь ему освободить руки или хотя бы подать сигнал туда, на волю, за борт корабля-тюрьмы. Взгляд его остановился на тяжелой медной спичечнице, стоявшей на ночном столике у койки. Онемевшими, затекшими пальцами связанных рук Санька с трудом собрал с палубы разлетевшиеся листки упавшей книги. Потом долго старался зажечь спичку. Спички ломались одна за другой. Несколько штук вспыхнули, но тут же погасли. В коробке осталась последняя.

Мальчик напряг всю волю, чтобы заставить себя действовать не спеша. Он осторожно провел спичкой по коробку. Послышался едва уловимый звук вспышки. Санька стоял, боясь шевельнуться и потушить огонек. Пятясь, поднес спичку к смятым листкам книги. Они вспыхнули. Маленький костер разгорался на мраморе ночного столика. Найденов протянул к огню связанные руки. Пламя лизнуло кожу. Закусив губу, мальчик заставил себя не отнимать рук от пылающих листов. Боль делалась нестерпимой. Веревка загорелась.

Огненный браслет опоясал запястья. В глазах мутилось. Санька терял сознание. Еще одно усилие воли, еще минута твердости, и... обожженные руки были свободны.

Он поднял их над головой и застонал. Вырвав изо рта тряпку, прильнул к графину с водой. Пил жадно, большими глотками, закрыв глаза, а когда отнял пустой графин от губ и открыл глаза, то невольно попятился: каюта была заполнена густым серым дымом. Сквозь

бурую пелену дыма поблескивало пламя – горела постель. Прежде чем Санька сообразил, что делать, за дверью послышались торопливые шаги. Дверь распахнулась.

– Пожар! – раздался крик Остен-Сакена, невидимого за пеленой дыма. – Проклятый щенок!

Человек за бортом!

В кают-компании миноносца «Керчь» шло совещание. Обсуждался способ уничтожения кораблей. Решили вывести их на стофутовую глубину, заложить подрывные патроны, открыть кингстоны и произвести взрыв. Если понадобится, то добивать сохранившие плавучесть суда торпедными выстрелами с «Керчи».

Команда «Керчи» договорилась подготовить свой корабль к тому, чтобы, потопив все корабли и приняв к себе на борт остатки команд, доставить их в Туапсе, а там затопить и «Керчь». Работа на корабле продолжалась всю ночь.

Наступило 18 июня.

На миноносце «Керчь» царили полный порядок и дисциплина. Между командиром и матросами не было разногласий. Все сходились на одном: лучше гибель, чем позорная сдача немцам.

Командир «Керчи», старший лейтенант Кукель, худощавый брюнет с черными грустными глазами, поднялся на мостик. Крепко стиснув поручни, он глядел на проходящие мимо «Керчи» корабли тихменевского отряда.

Наконец, когда от головного миноносца-изменника остался на фоне неба лишь неясный мазок дыма, Кукель как бы пришел в себя и обернулся к сигнальщику, не отрывавшему глаз от бинокля.

– Уходят все-таки... – сказал тот.

– Я все ждал, не проснется ли хоть в одном из них совесть моряка-черноморца, – грустно произнес Кукель и глянул на рей: там все еще полоскались флаги сигнала «Позор изменникам России!»

– Может, спустить? – спросил матрос.

– Нет! – решительно сказал Кукель. – Пусть они видят все до конца. – Он указал на проплывавшую мимо «Керчи» стальную громаду «Воли». – Их это касается больше других!

По мере того как линейный корабль приближался к «Керчи», на ее борту делалось все тише. Один за другим подходили матросы и офицеры и застывали у поручней. Полтораэта пар глаз были устремлены на дредноут, словно старались навсегда запечатлеть его гордые контуры. И вдруг, на виду у всех, на высоком борту линкора произошло какое-то необычное движение, суета. Долговязая фигура офицера в кителе нараспашку пронеслась по верхней палубе. За ним мчался мальчик в изодранной тельняшке. Добежав до носовой башни, офицер юркнул за нее, и под ноги преследователю полетел обломок какой-то доски. Мальчик упал, но тотчас вскочил и снова бросился за офицером. Тот быстро взбирался по внешнему трапу мостика. Мальчик нагонял офицера, но к моменту, когда вылез на мостик, офицер успел добежать до противоположного крыла и стал стремительно спускаться. Его фигура мелькала среди орудий, пулеметов, прожекторов, сваленных бухт троса, кнехтов. Но где бы он ни появлялся, в нескольких шагах от него оказывался и мальчик.

Офицер перепрыгнул на неубранный выстрел. Держась за леер, он пробежал несколько шагов и круто повернулся. В его вытянутой навстречу преследователю руке был зажат браунинг. Офицер выстрелил. Никто из сотен зрителей не мог сказать, попал ли он в мальчика, но все видели, как тот стремительным рывком метнулся под ноги офицеру и оба они полетели в море... «Воля», не замедляя хода, продолжала идти вперед.

Это неожиданное происшествие разрядило напряжение, царившее на «Керчи». Два матроса-керченца бросились в шлюпку и сильными ударами весел погнали ее к дредноуту.

Один из гребцов крикнул стоявшим у борта линкора матросам:

– Эй, на «Воле»! Кой там черт, что у вас случилось?

– Ничего особенного, – равнодушно ответили им. – Паренек с гидробазы, Санька Найденов, нашу рыжую орясину – барона – за борт смайнал... Собаке собачья смерть.

Керченцы направили шлюпку к тому месту, где упали в воду Санька с Остен-Сакеном. Но за кипящей пеной буруна, оставляемого винтами «Воли», ничего нельзя было рассмотреть.

Все тот же сигнал

Вынырнув на поверхность, Санька жадно глотнул воздух. Первым побуждением мальчика было подальше уйти от струи, отбрасываемой винтами удаляющейся «Воли», и отдохнуть. Он отплыл в сторону, быстро освободился от обуви и парусиновых брюк и лег на спину.

Над головою мальчика расстилалась бесконечная синь жаркого неба. Санька огляделся. Он не сразу увидел голову офицера за высокими гребешками буруна. Остен-Сакен вынырнул по другую сторону следа линкора. Их разделяло расстояние в несколько десятков метров. Мальчик быстро поплыл. Почти уже настигая немца, он вдруг услышал за спиной какое-то шипение, бульканье.

Санька оглянулся и едва не глотнул от удивления и испуга воды: в какой-нибудь сотне футов пенился бурунчик! Черная труба перископа быстро выростала над поверхностью моря.

Невольно глянул он в сторону порта, где стояла единственная подводная лодка «Нерпа». Ее силуэт по-прежнему вырисовывался у стенки. Значит, это не «Нерпа». После первого испуга радость овладела юнгой. Взмахивая руками перед перископом, он старался привлечь к себе внимание. Перископ быстро подымался из воды. Пена с шипением сбегала с показавшейся рубки. Санька закричал от радости, но тут же захлебнулся собственным криком: на рубке был ясно виден черный железный крест и большая немецкая буква «И». Это увидел и Остен-Сакен. Он тоже стал размахивать рукой. На рубке показались люди. Они с любопытством глядели на пловцов. Остен-Сакен крикнул что-то по-немецки. Ему ответили. Лодка сбавила ход, совсем застопорила. Рыжий подплыл к ней. Конец мелькнул в воздухе. Барон схватился за него и вылез на палубу. Санька видел лица немцев, слышал их разговор, но не понимал его. Остен-Сакен что-то сказал офицеру, показывая в сторону мальчика. Офицер отдал приказание. Матрос выбрал конец и снова ловко бросил его Найденову. Но Санька не взял его и торопливо поплыл прочь. Однако очень скоро он услышал за спиной шипение воды: лодка двигалась следом за ним и скоро настигла его. Снова мелькнул в воздухе леер. Санька увернулся от скользнувшей по плечу петли. Немцы смеялись. Концы появились в руках у всех, кто был на рубке. Они наперебой закидывали их, пытаясь поймать мальчика петлей. Он устал увертываться, нырять. Сердце свинцовым молотом стучало в груди. Он понял, что борьба бесполезна, перестал взмахивать руками и стал погружаться. Последнее, что он видел, была по-прежнему яркая синева родного черноморского неба. Саньке показалось, что по всему лазоревому фону широкими, яркими полотнищами разостлались флаги сигнала: «Погибаю, но не сдаюсь».

Санька пришел в себя на тесной верхней палубе немецкой лодки. Первое, что он увидел, было длинное лицо с мокрыми рыжими бачками – Остен-Сакен.

Придавив мальчику грудь коленом, он с помощью матроса быстро связывал ему ноги.

– Теперь ты пойдешь кормить черноморских рыбок, – произнес барон. – Понял? Ну, отвечай: понял?

Санька стиснул зубы. Барон ударил его ногой. Он смотрел на мальчика с таким видом, словно придумывал, что бы еще сделать со своим маленьким пленником. Но в эту минуту раздался крик немецкого офицера:

– К погружению! Русский самолет над нами!

Матросы поспешно спустились в люк. Барон нагнулся над Санькой, посмотрел в глаза, с видимым наслаждением плюнул ему в лицо и последним исчез в рубке.

С тяжелым лязгом захлопнулся люк. Лодка быстро погружалась. Вода шипела и пузырилась вокруг рубки. Волна лизнула борт, перекатилась через палубу, накрыла Саньку и, подхватив его, сбегала за корму.

Прыжок в смерть

– Ну, что, малец, крепко тебе досталось? – услышал Санька над собою знакомый голос. Мальчик с трудом открыл глаза. В голове стоял тяжелый туман. Неодолимая слабость сковывала тело. Тошнило.

Санька лежал на мягком песке на берегу, около гидробазы. Рослый матрос склонился над ним. Словно сквозь дрему слышал он, как люди над ним говорили что-то ласковое, ободряющее. Почувствовал, как его поднимают, несут. «Спать, спать!» – было единственным желанием.

Прошло немало времени, прежде чем Санька снова открыл глаза. Сквозь разорванную надвое и давным-давно не стиранную занавеску в окно дежурки рвались потоки света и тепла. Гудели мухи, где-то, казалось, очень далеко, пробили склянки. Санька насчитал шесть ударов. Он осторожно шевельнулся.

На запястьях рук увидел белоснежные жгуты бинтов. Так же заботливо были перевязаны ноги и царапина на плече от пули Остен-Сакена. Санька окончательно пришел в себя и засмеялся от радостного ощущения бодрости. В голове метнулась пугающая, но очень ясная мысль: «Паша!.. Житков!» На память пришел весь разговор Остен-Сакена в каюте «Воли».

Санька вышел на спуск гидробазы. Ослепительное сияние, отбрасываемое неподвижной водой, заставило его зажмуриться. Словно уснувшие птицы, покоились на горячих досках слипа гидросамолеты. Около них не было ни души. Санька шел вдоль аппаратов, трогал их рукою, будто желая убедиться в реальности того, что он снова у себя, на любимой базе, среди милых его сердцу летающих лодок. Он с грустью оглядел аппараты. Тяжко вздохнул: брошены на произвол судьбы. Часть офицеров ушла на «Воле», с Тихменевым. Летчики из матросов перешли на миноносцы, оставшиеся в Новороссийске. Рабочие мастерских разбрелись кто куда. Тишина, не нарушаемая даже обычным шуршанием ветра по расчалкам гидросамолетов, царила на базе. Неподвижной зной висел в воздухе. Трудно дышалось. Радостное оживление, за минуту до того владевшее Санькой, сменилось тяжелым чувством бессильной злобы на бездушных дрянных людей, которые могли забыть службу, оставить свои самолеты! Это казалось ему непостижимым. Сердце щемило от жалости к боевым птицам, брошенным, как ненужный хлам. Сесть бы вот сейчас в аппарат, взяться за ручку и лететь, лететь куда глаза глядят...

Санька перелез через борт ближайшего гидросамолета и уселся за управление. Впервые он чувствовал себя здесь полным хозяином. Потрогал сектор, подал команду воображаемому мотористу:

– Контакт!

И сам себе ответил:

– Есть контакт!

– Лететь собрался? – послышался вдруг над его головой насмешливый голос.

Санька смущенно поднял глаза и увидел унтер-офицера Ноздру, одного из немногих летчиков, оставшихся на базе. Санька недаром считал Тараса Ноздру своим другом. Матрос действительно любил разбитного, толкового парнишку. Больше всех приложил он сегодня усилий к тому, чтобы выловить мальчика из воды после погружения немецкой подлодки.

Ноздра присел на борт гондолы. Тонкая тельняшка плотно облегла крепкое, большое тело. Закатанные по локоть рукава обнажали мускулы загоревших рук. Ноздра поднес к глазам бинокль.

– Сейчас начнут топить корабли, – сказал он.

Санька даже привскочил:

– Сейчас?.. Топить?!

– Назначено на три часа... Вон «Свободную Россию» уже буксируют на большую воду.

– Где, где? – испуганно пролепетал Санька. – Тарас Иванович! Мне надо сейчас же туда, на линкор.

Мальчик задыхался от волнения.

– Эка, хватился! – сказал Ноздра. – Сейчас «Керчь» будет его торпедировать.

– Тарас Иванович, нельзя этого, нельзя! – со слезами в голосе крикнул Найденов. – Там Пашка!

– Какой еще Пашка? Оттуда все давно смайнались.

– Тарас Иванович, – не унимался Санька, – вы ж мне друг, Тарас Иванович! Пашка там!.. Его туда Тихменев с приказом к Терентьеву послал. Если не убили они Пашку, негде ему больше быть!

Ноздра соскочил с борта лодки и пристально поглядел на мальчика.

– Думал, бредишь ты, малый!..

Больше он не сказал ни слова, полез в самолет. Да Найденов и не нуждался в словах. Он понял: сейчас Ноздра полетит к «Свободной России». Вот это человек! На самолете они мигом догонят линкор. Не ожидая приказаний, Санька выбрался на палубу лодки и взялся за винт. Мотор был запущен.

Санька прыгнул в кабину и махнул рукой. Ноздра дал газ. Гидросамолет с плеском и шипением врезался в воду и побежал, оставляя за собой пенистый след. Срываемые воздушной струей брызги серебряным туманом стлались за аппаратом. Через минуту он оторвался от воды: Ноздра взял направление на внешний рейд.

Гидросамолет проходил над миноносцем. Названия не было видно. Санька и Ноздра заметили, как от борта другого миноносца, стоявшего на траверзе первого, протянулась по воде белая пенистая полоса – след выпущенной торпеды. Оба поняли, что торпедой стреляла «Керчь». За шумом мотора они почти не слышали взрыва. Видели только, как высоко к небу поднялся сверкающий столб кипящей воды и разлетелся прозрачным туманом. Сквозь этот туман Найденов увидел высоко вздыбившийся нос смертельно раненного корабля. На нем ярко горела медь надписи: «Фидониси». Ноздра сорвал шлем и склонил голову, словно перед ним было тело погибшего друга.

Гибель «Фидониси» послужила сигналом ко взрывам на остальных кораблях, где были заложены подрывные патроны. Одна за другой хлестали по воде струи желтого пламени. Воздух дрожал и стонал от взрывов. На кораблях, в вихрях воды, поднятых взрывами, трепетали яркие полотнища флагов. Все тот же традиционный предсмертный клич русских боевых кораблей: «Погибаю, но не сдаюсь».

– Тар... Ив... ныч!.. – надсаживаясь, крикнул летчику Санька. – Садитесь... Ближе к линкору!

Ноздра отрицательно качнул головой и показал вниз: «Керчь» полным ходом шла к «Свободной России», чтобы нанести ей последний, смертельный удар торпедой.

– Сейчас дадут торпедный залп! – крикнул Ноздра Саньке в самое ухо.

Мальчик стиснул кулаки:

– Пашка там... Пашка!

Самолет проходил над линейным кораблем. Просторные палубы были пусты. Гордо вздымались к небу стройные башни мачт с неподвижно повисшими флагами сигнала. Будто готовившись к залпу, смотрели на правый борт орудия главной артиллерии.

Санька растерянно огляделся: сейчас от борта «Керчи» протянется к линкору пенистый след торпед, раздастся взрыв, и Пашка...

Нет, этого не может быть, не должно быть! Любую ценой спасти друга! Санька решил сделать последнюю попытку уговорить Ноздру сесть. Уже потянулся было к матросу, но зацепился за какой-то толстый белый конец, свисающий внутрь корпуса лодки. Жюкмес!.. Санька откинулся внутрь лодки и стал лихорадочно искать лямки парашюта. Быстро надел их, застег-

нул на груди. Теперь остается выпрыгнуть за борт. Санька не думал о том, что будет дальше. Он знал одно: другого способа попасть на корабль нет. Между тем Ноздра сделал такой крутой вираж, что самолет забился в лихорадочной дрожи. Снова пошел прямо к «Свободной России». Видно было, как за кормой «Керчи» спадает бурун. Приблизившись к линкору на дистанцию торпедного выстрела, миноносец застопорил машины.

Самолет подходил к линкору. Прежде чем Ноздра успел понять, что происходит у него за спиной, Санька подтянулся на руках и перелез через борт лодки на крыло. К встречному потоку воздуха присоединялась тяга высоко расположенного винта. У мальчика едва хватило сил, чтобы, цепляясь за стойки бипланной коробки, не дать втянуть себя этому мощному вентилятору.

Прошло несколько минут, прежде чем удалось выбраться на середину крыла. Казалось, все сговорилось не пускать его, мешать ему: встречный ветер, рвавший на нем одежду; путаница дрожащих, свистящих на все голоса растяжек; наконец, тянущийся за спиной строп жюк-меса, – чтобы протащить его между стойками, пришлось отстегнуть карабин. На несколько мгновений Санька повис над бездной, даже не связанный с парашютом. Его маленьким пальцам не сразу удалось снова защелкнуть у воротника тугой карабин толстого белого стропа. И тут мальчику стало страшно. Ведь он никогда не прыгал с парашютом! Даже толком не видел, как прыгают. Только слышал однажды рассказ о том, как летчик прыгнул с загоревшегося самолета, как не раскрылся парашют... Было невыносимо страшно. Так страшно, что он не мог не только посмотреть вниз, но даже обернуться на Ноздру. Обернешься – и тогда... тогда может не хватить смелости на прыжок.

Санька закрыл глаза и судорожно сжал перед лицом маленькие ладони. Ведь так нужно было нырять...

Мы дружбу связали канатом...

По-видимому, на «Керчи» не поняли намерения парашютиста или заметили его слишком поздно. В ту самую минуту, когда мальчик коснулся поверхности моря, у борта «Керчи» появилось маленькое облачко. В воздухе мелькнуло длинное тело торпеды. Ее белый след на воде стремительно приближался к «Свободной России». Невольный крик вырвался у людей на «Керчи», когда там заметили падение парашютиста неподалеку от линкора, – ведь взрыв торпеды должен был быть для него смертельным. Санька и сам видел движущийся на него пенистый гребень, но не сделал попытки отплыть от корабля. Он знал, что это безнадежно. Уйти от взрыва было невыносимо. Но сейчас он даже не испытывал страха. Лишь досада наполняла его – острая досада, что так и не успел спасти Пашку. И вдруг он ясно увидел: торпеда пущена неверно, она не попадет в корабль!

Когда торпеда действительно прошла под носом линкора, не задев его, радость охватила Саньку.

Матросские голоса кричали с «Керчи»:

– Плыви прочь!.. Уходи!.. Уходи от корабля!

Быстро спустили шлюпку.

Санька поплыл. Но он направился вовсе не в сторону шлюпки с «Керчи», а к обреченному дредноуту. Быстро достиг трапа и побежал вверх. Через минуту его маленькая фигурка затерялась среди палубных надстроек.

Санька стрелой несся по палубе. Нырнул в первую попавшуюся дверь, помчался по внутренним ходам корабля. Если Житков попал в ловушку, – его заперли где-нибудь недалеко от командирского салона, так же, как был заперт и он сам на «Воле». Подальше от матросских глаз.

Вот и командирский салон. Все здесь говорило о поспешном бегстве хозяев. Санька остановился и крикнул:

– Паша!.. Пашенька!..

Эхо гулко понесло его голос по стальным закоулкам броненосца.

Санька затаил дыхание.

Эхо, дробясь, потерялось где-то вдали. Было тихо.

– Паша!.. Пашенька! – едва не плача, повторял мальчик.

Снова бежало звонкое эхо, отскакивая от переборок и палуб, ломаясь и затихая. И снова ответом ему было молчание покинутого корабля.

Санька еще раз заглянул в боковые каюты: пусто, беспорядочно разбросаны вещи. Забежал в командирскую спальню. Большой серый кот уютно спал в койке. У дверей ванной грудой лежали чемоданы, несессеры, портпледы, носильные вещи, – еще одно свидетельство растерянности и поспешного бегства. Санька в бешенстве ткнул ногой в эту грудку.

– Гады окаянные! – пробормотал он, стиснув зубы. Ему и в голову не могло прийти, что за дверью, заваленной этими вещами, томится его друг Житков.

Санька собрался уже уйти из салона, чтобы продолжать поиски, когда ему почудился едва уловимый высокий звук. Казалось, будто он слышит свист. Прислушался. Свист повторился. Санька уловил мотив любимой песенки, которую они не раз певали с Пашкой:

Закурим матросские трубки
И выйдем из темных кают.
Пусть волны доходят до рубки,
Но с ног они нас не собьют.
На этой дубовой скорлупке

Железные люди плывут.

Да это же он и есть: милый друг Паша! Так вот куда его запрятали, гады! Но как он сюда попал, зачем тут очутился? Впрочем, сейчас не до рассуждений: надо выручать Пашку... Пашу... Пашеньку:

– Паш!.. А, Паш! – что было сил закричал Санька и замер в ожидании ответа.

– Сань!.. Ты, Сань?

– Паша!

Санька искал глазами что-нибудь потяжелее, чем бы ударить в дверь. Брался за одно, другое, – все было либо привинчено к палубе, либо никак не годилось, чтобы таранить прочную дверь каюты. И тут, пожалуй, в голосе Саньки послышалось уже что-то похожее на слезы:

– Паша, давай вместе. Надо высадить дверь-то. Высадить, говорю.

Из-за двери послышались глухие удары. Санька рванул – заперто. Он хватал самое тяжелое, что попадалось под руку, но все разлеталось от ударов о толстую сталь двери. Тяжело дыша, он задумался.

Ум и сноровка подсказывали Саньке, что тут нужно действовать методически, с инструментом в руках. Минуты, понадобившиеся на то, чтобы сорвать с переборки прохода пожарный топор и ломик, показались долгими часами. Но зато вскоре дверь была отперта. Из ванной выполз Пашка.

Спущенная «Керчью» шлюпка подошла к «Свободной России» и приняла юных друзей. Через несколько минут «Керчь» дала новый торпедный залп. На этот раз торпеда взорвалась под носовой башней «Свободной России». Дредноут вздрогнул, но никаких повреждений не было видно. Снова и снова стреляла «Керчь». Корабль оказался необыкновенно прочным. Спроектированная русскими инженерами, построенная на русском заводе, «Свободная Россия» не хотела умирать. Только после шестого попадания в самую середину корпуса бело-черный дым взметнулся над кораблем. Облако дыма заволокло весь линкор – с башнями, с трубами, по самые клотики.

Когда дым рассеялся, с «Керчи» увидели, что плиты бортовой брони сорвались с дубовой подшивки. Брешь, окрашенная по краям кровавыми полосами сурика, зияла, как огромная смертельная рана. Корабль слегка покачивался. Еще одна торпеда – и потоки вспененной взрывами воды устремились в пробоины.

Корабль медленно кренился на правый бок с одновременным дифферентом на нос. По мере увеличения крена все сильнее слышались на корабле треск, грохот, звон. Срывались с креплений катера, шлюпки, приборы. Все это с невероятным шумом несло по палубе, скатывалось в воду. Под конец поползли со своих гнезд-установок семьсотпятидесятитонные броневые башни главной артиллерии. Сперва медленно, едва заметно, потом все быстрее и быстрее ползли они по кренящейся палубе, все сбивая на своем пути, ломая и сминая дерево, железо, сталь. Вытянув к воде жадные хоботы пятидесятичетырехкалибровых пушек, башни нырнули в пучину. Вода закипела пеной. Высоко вскинулась погребальная волна.

Из недр корабля продолжал доноситься предсмертный скрежет. Ударяли по бортам скатывающиеся со стеллажей в погребах тяжелые снаряды, срывались с фундаментов не выдержавшие такого крена машины. Их удары в корпус были слышны далеко. Казалось, таинственные силы, сопротивляясь концу, судорожно бушевали внутри корабля.

На глазах потрясенных моряков тянулись четыре бесконечные минуты трагической агонии вчера еще грозного создания человеческой мысли. Но вот все стихло: корабль перевернулся вверх килем. Силой воздуха, сжатого тяжестью корабля, вода высокими кипящими гейзерами выбрасывалась сквозь кингстоны. Бухта покрылась бурлящей пеной. Прошло еще полчаса, прежде чем киль корабля скрылся в захлестнувшем его водовороте.

На палубе «Керчи» матросы и офицеры стояли в молчании, с обнаженными головами. Никто не шевелился. Угрюмы были лица.

Когда на месте погрузившегося дредноута улеглась последняя рябь, командир Кукель надел фуражку и громко сказал:

– Этой жертвы требовала Россия!

Пожилый матрос, все еще держа бескозырку в руках, повернулся к команде и крикнул:

– Товарищи! Этой жертвы требовала от нас революция, ее требовал Ленин. Но русский флот не погиб. Он будет жить. Да здравствует революционный русский флот, да здравствует революция, да здравствует ее великий вождь Ленин!

– Да здравствует флот!.. Да здравствует Ленин!

Кукель потянулся к машинному телеграфу. Стрелка, отрепетовав звонком, остановилась на словах «полный вперед».

«Керчь» развернулась и пошла прочь от Новороссийска. Она легла на курс к берегам Кавказа.

Черноморский флот погиб – да здравствует Черноморский флот!

«Керчь» полным ходом шла к Туапсе.

На мостике, рядом со старшим лейтенантом Кукелем, торчали две вихрастые головы. Две пары усталых мальчишеских глаз вглядывались в темнеющую даль моря.

Кукель ласково положил тонкую руку на выгоревшие вихры Пашки:

– Так-то, ребята, – сказал он. – Ну что притихли?

Пашка отвернулся, чтобы командир миноносца не заметил слез, неудержимо катившихся по его щекам, и, сопя носом, тихо сказал:

– Жа-алко... Э-этакая... красота... пропала...

Кукель ласковым движением запрокинул голову мальчика и пристально посмотрел ему в глаза.

– Нет, брат! Не погибла. – Он покачал головой. – Не погибла сила русского флота! Сильней прежнего будет. Зря его флаг прошел по всем морям? Нет, брат, шалишь: за русскими победами на морях сотню лет следил мир. Будет флот!

– Будет?.. Отколь ему взяться, если его утопили? – недоверчиво спросил Пашка, и веснушки на его носу сбежались в одну кучку.

– Есть такой миф... Ну, короче говоря, сказка о Фениксе, возрождающемся из пепла. А ведь такого огня, как революция, не бывало. Все очистит, все обновит, все закалит! Верьте этому, ребята, если хотите быть моряками, хотите служить России, – сказал Кукель.

– Будем служить России, – отозвался Найденов.

– Да, именно так. Иначе нельзя. Будь иначе – не сделал бы я такого. Труднее в жизни не бывало. – И добавил вдруг почти весело: – Живите, ребятки. Будьте моряками!

– Я-то в летчики, – решительно проговорил Найденов. – В морские.

– А я – нет, я моряк, – мечтательно произнес Житков. – Моряк...

– Самолет и корабль – боевые друзья, – сказал Кукель. – Значит, и вам дружить. Великая штука – дружба, братцы. Пуще зеницы ока берегите ее. Вяжите ее канатом.

– А мы и так... – начал было Пашка, но Санька так дернул его за палец, что парень сразу умолк.

Вечерняя заря гасла за кормой. Солнце утонуло там, где за вздыбившимся к самому небу морем пылал пожаром горизонт. Едва успев коснуться воды, оно через несколько мгновений окрашивало уже только клотики мачт миноносца. Потом багрянец пошел еще выше, выше, в нем заалели облака. А палуба уже тонула в полумраке.

Скоро на востоке обозначились едва различимые очертания Кавказского хребта – последнего прибежища моряков погибшей эскадры.

На палубе стало тихо. Оборвалось пение. Смолкли разговоры. Люди прильнули к поручням, впиваясь взглядами в силуэты гор. Они надвигались из темноты – таинственные, огромные...

Каждый хотел увидеть в них свою судьбу – судьбу моряка, лишенного самого дорогого, самого милого, что было у него в жизни, – родного корабля.

В томительной тишине, казалось, не нарушаемой даже мощным гулом машин на палубе «Керчи», особенно громко пробили склянки... Три... Четыре...

С невидимого в темноте мостика раздался глухой голос командира:

– Товарищи моряки! – Кукель помолчал, пережидая, пока утихнет шарканье ног по стальной палубе миноносца. – Товарищи черноморцы! Мы с вами исполнили самый трудный, самый тяжкий долг, какой может выпасть на долю моряка: мы уничтожили корабли родной эскадры. Другого выхода не было... Мы потопили свои корабли. – Голос Кукеля креп, делался громче:

– Мы сделали это не только потому, что не хотели отдавать суда в руки врага. Мы отважились на это еще и потому, что верим, верим всем сердцем русских моряков: гибель наших кораблей не означает конца нашего славного флота. Наш флот пронес свой победный флаг через пламя сотен битв, над водами всех океанов. Русский флот никогда не спускал флага перед лицом врага. Не спустили его сегодня и мы с вами... Теперь мы у цели. У нашей последней цели, товарищи. Жертва должна быть принесена до конца. Одна наша «Керчь» бессильна что-либо сделать на Черном море. Выполняя свой долг, мы должны уничтожить и наш собственный корабль. Это трудно, очень трудно. Но... моряки мы или нет? – Голос зазвенел гневом. – У русских моряков хватало сил приносить и более тяжкие жертвы, когда того требовала от них страна, наша великая родина-мать. Я прочту вам депешу, которую передаю сейчас на беспроволочный телеграф: «Всем, всем, всем! Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, эскадренный миноносец “Керчь”. Он предпочел гибель позорной сдаче Германии».

Наступила гробовая тишина, и вдруг внизу, среди сгрудившихся на палубе моряков, послышалось истерическое рыдание. Кто-то выкрикнул:

– Погиб Черноморский флот...

Его перебил голос командира:

– Да здравствует Черноморский флот!

Грозное в своей сдержанности «ура» прокатилось по миноносцу и оборвалось. Тишину снова прорвал голос Кукеля:

– Сигнальщик, поднять сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь».

В темноте зашелестели, поднимаясь к рею, невидимые флаги.

– Боцман, приготовить шлюпки к спуску!

– Есть приготовить шлюпки к спуску!

– Травить пар, гасить топки!

– Есть травить пар, гасить топки!

– Открыть иллюминаторы и клинкеты. Приготовиться к открытию кингстонов! Проверить подрывные патроны!

– Есть открыть!..

– Есть приготовить!..

– Есть проверить!..

Четко репетовали с разных концов палубы унтер-офицеры.

Топот, шарканье ног... Короткие команды вполголоса... Лаконичные ответы... Скрип боканцев... Взвизгнули блоки талей... Плеснули о воду шлюпки... Стукнули в уключинах весла...

Один за другим отваливали от «Керчи» катера и баркасы с людьми. Они отвозили на берег моряков и возвращались за другими. Когда на корабле остались только командир и несколько человек, необходимых для открытия кингстонов и поджигания бикфордовых шнуров, Кукель молча в последний раз обошел миноносец. Усталым шагом, словно через силу двигая ногами, вышел по гулкому трапу на палубу.

– В шлюпку, друзья, – тихо сказал он, будто боясь нарушить покой умирающего корабля. – Боцман, поджечь шнуры!

Боцман сделал шаг к трапу, остановился, сдернул с головы фуражку и торопливо прильнул губами к шершавому железу пиллерса. Слышно было, как звякнуло о металл серебро его дудки.

– Не могу, как хотите, – не могу... – сказал он, ни на кого не глядя.

Кукель молча взял из его рук коробок, чиркнул спичку и поднес огонь к бикфордову шнуру. Синее пламя зашипело, побежало по палубе. В воздухе запахло порохом. Все молча спустились в командирский вельбот.

Через полчаса, ровно в час тридцать минут 19 июня, эскадренный миноносец «Керчь» перестал существовать. Он пошел ко дну на тридцатиметровой глубине против мыса Кадош, у Туапсе.

Моряки стояли на берегу, пока волны не сомкнулись над их кораблем. Тогда они стали медленно расходиться. Одним – тем, кому мерещились тепло, отдых от войны, спокойная жизнь, – путь лежал на юг. Другие, кому хотелось привычной трудовой жизни в деревне, решили пробираться на север, в Россию, по домам, к родным избам, женам, к семьям. Третьи тут же, на месте, собирались в отряд, чтобы начать партизанить в тылу белых армий.

Особняком сидела группа матросов вокруг боцмана Никитича, рассказывавшего о том, что на Волге идет война с адмиралом Колчаком за свободу, за революцию, за хлеб. Туда-то и надо идти всем, кто хочет сражаться за революцию, Россию, флот...

В этой группе, внимательно слушая старого боцмана, сидели и юные добровольцы – Паша Житков и Саня Найденов.

Глава вторая. Исчезновение старого факира

Почему не видно самолета?

Лето выдалось холодное и сырое. Влажная прохлада ночи была так ощутима, что горожане затворяли окна, едва солнце спускалось за острова. Даже любителей белых ночей не привлекало романтическое сияние не проходящего дня. Они также захлопывали окна и раздраженно опускали шторы, спасаясь от порывов северного ветра.

Как почти во всех домах, окна были закрыты и в этой квартире. Свет лампы, затененной зеленым козырьком, падал на синее сукно огромного письменного стола. Стол был завален грудой книг, тетрадей, папок, просто листов бумаги, сложенных стопочками и беспорядочно разбросанных, – чистых, исписанных аккуратными четкими строчками и небрежно исчерканных какими-то каракулями, формулами, диаграммами. У края стола, забравшись с ногами в глубокое кресло, обитое побелевшей от времени, истертой на сгибах кожей, работала девушка. Ее голова, склоненная над тетрадь, горела в свете лампы золотом растрепанных белокурых волос. Девушка была увлечена работой.

За спиной девушки, в полутьме огромного кабинета, слышались тяжелые шаги, приглушаемые пушистым ковром. Профессор Бурого ходил по кабинету, попыхивая старенькой трубкой. Он был велик ростом и грузен. Большая голова с шишковатым черепом казалась еще больше от обрамлявшей ее львиной гривы седых кудрей. Такая же седая, огромных размеров борода ниспадала на широкую грудь старика.

Время от времени Бурого останавливался перед каким-нибудь из многочисленных книжных шкафов, закрывавших три стены кабинета, брал с полки книгу, сосредоточенно и вместе с тем небрежно перелистывал и ставил обратно. При этом он вовсе не заботился о том, попала ли книга на свое место. Казалось, что он делает это почти машинально. По-видимому, мысли его были далеко от того, что происходило вокруг, и даже, может быть, от того, что он искал в книгах.

Еще несколько раз пройдясь по кабинету, старик остановился перед большим стенным календарем. Это был странный календарь. Под четкими, жирно напечатанными цифрами дни были зачеркнуты и наново написаны крупным корявым почерком. Бурого стоял перед календарем и долго смотрел на него.

– Погляди-ка, Валёк, что здесь написано, – прозвучал вдруг его глубокий бас. – «В этот день моряки черноморской эскадры, оставшиеся верными Советской власти, по приказу Совета Народных Комиссаров уничтожили свои корабли, предпочтя их гибель позорной сдаче немцам...» Подумать только! – задумчиво повторил он. – Ты была тогда совсем крошкой...

Девушка подняла голову от тетради.

– Честное слово, папка, – стараясь скрыть раздражение, проговорила она, – это все-таки диссертация, хоть и «детская» с точки зрения профессора. И твои разговоры мне вовсе не помогают.

– Вечные разговоры... Пустые разговоры старика... – Он вздохнул. – А не думаешь ли ты, что твоему Александру этот листок календаря куда интереснее, нежели то, будешь ты кандидатом физических наук или не будешь? Подумай-ка: в день, отмеченный календарем, он мальчишкой участвовал в новороссийской трагедии флота...

Девушка с улыбкой отложила перо, схватила руку старика и прижалась к ней щекой.

– Ах, папа, папа. Чудак ты, право! Начать с того, что в Новороссийске все было вовсе не в «этот день»...

– То есть как это? – Седые брови старика, как две мохнатые гусеницы, вползли на лоб. Он ткнул пальцем в календарь. – Или «все врут календари»?

– Календари, может, и не врут, но ты уже три дня не отрываешь листки. Три дня ты пытаешься рассказать мне про гибель эскадры.

– Фантазмагория! – воскликнул старик. – Положительно: становлюсь стар. Впрочем, чепуха! Знаешь, из-за чего это происходит? Я никак не могу найти точку, одну единственную точку, на которую можно было бы опереться, чтоб сдвинуть...

– Земной шар? – перебила девушка отца.

– Нет... Всего только мою задачу...

– Заработался, папуля, – ласково сказала Валя и сладко потянулась. – Пойдем-ка гулять, это тебе помогает.

– Гулять?.. Да, да, конечно, это чудесно. Пойдем. Мы пойдем гулять, – с комической торжественностью повторил он и, сунув потухшую трубку в карман, улыбнулся и взглянул на Валу. – А показать?

Девушка молча глядела на отца. Она знала его и потому по выражению глаз, по тронувшей губы старика лукавой усмешке поняла, что ее ждет что-то удивительное.

– Тащи-ка чашку кипятку, – сказал он, а когда она вышла, отпер ящик письменного стола и достал из него небольшой металлический стаканчик. Это был обыкновенный алюминиевый стаканчик для бритвы. Когда Валя вошла с чашкой горячей воды, Бурого поспешно накрыл стакан газетой.

Прячась за газетой, он налил в стаканчик воды и закрыл его такой же металлической крышкой.

Через несколько секунд он отдернул газету и патетически провозгласил:

– Прошу!

Валя искала глазами то, на что, по-видимому, смотрел отец. А он глядел на край стола, где только что был стаканчик. Но сколько Валя ни приглядывалась, ничего не могла увидеть: стаканчик исчез. В доказательство того, что принесенная Валею чашка пуста, Бурого жестом фокусника перевернул ее.

– Найди воду. Только не обожгись.

Подойдя вплотную к столу, Валя протянула руку и с испугом отдернула: пальцы коснулись горячей поверхности металла.

– Я же сказал – не обожгись, – повторил старик. – А теперь смелей, смелей!

Валя осторожно притронулась к горячей пустоте. Сомнений быть не могло – это был стаканчик. Вот его гладкий бок, вот крышка. Валя взяла его платком. Ощупью сняла крышку, нагнула. Полилась вода. По мере того как она выливалась, стакан остывал и снова становился видимым. Валя стояла, как замороженная, зажав в руке стаканчик для бритвы. Потом она поставила его на стол, подошла к отцу и, обняв его, несколько раз крепко поцеловала.

– Я всегда говорила, что ты – великий факир.

– Остается получить тот же эффект без подогревания окрашивающего слоя. Не можем же мы требовать от самолета или корабля, чтобы они постоянно держали свою внешнюю поверхность в подогретом состоянии!.. Еще один шаг...

– И мы его сделаем, папочка, правда?

– С таким ассистентом, как ты? Безусловно! – уверенно подтвердил Бурого.

– Ну а теперь все-таки гулять, гулять, гулять! – воскликнула девушка. – Ты вдвойне заслужил хорошую прогулку.

Через несколько минут они встретились в прихожей. На Бурого был застегнутый на все пуговицы китель с контр-адмиральскими нашивками на рукавах. Сквозь золото шитья виднелись малиновые нашивки инженера. Седая грива была тщательно подобрана под околыш морской фуражки. На ногах, вместо обрезанных валенок, в которых профессор только что

разгуливал по кабинету, блестели ярко начищенные ботинки. Единственным отступлением от формы была тяжелая трость, которой старик яростно постукивал на каждом шагу.

Валя взяла отца под руку. Они вышли на залитый мягким светом проспект.

– Твой-то орел не пришел, а? – сказал Бураго.

– Будет к одиннадцати, – уверенно сказала Валя. – У нас есть время нагуляться.

Они шли пустынными улицами. Тяжелая палка Бураго перебивала своим крепким стуком дробное постукивание Валиных каблучков. Шли молча. Когда вышли на середину моста, старик остановился. Опершись на гранитный парапет, он долго глядел вниз, туда, где пыхтел широкогрудый буксир. Оба, отец и дочь, молча смотрели на любимый город, спящий в прозрачном сиянии ночи. Над их головами тянулись могучие чугунные кронштейны трехлапного фонаря, словно исполинское чугунное дерево выроставшего из каменной кладки моста. Матовые шары сияли от пронизывающего их света негаснущей зари.

Где-то далеко, со стороны взморья, послышался нарастающий гул самолета.

Старик поднял голову. На кителе, из-под бороды, блеснул крошечный золотой барельеф Ленина.

– Ну вот, – обиженно проговорил Бураго, – тут вот, над самой головой, а не видно. А ведь краска на нем самая обыкновенная! Что это значит? А это значит, что угол, под которым на самолет падают лучи солнца...

Он вопросительно умолк, глядя на дочь.

Девушка рассмеялась.

– Это значит только то, папа, что ты стал хуже видеть, – сказала она и ласково коснулась рукава его кителя.

– Я тебя не понял. – Старик с досадой обернулся к дочери.

– Ты его не видишь, а я отлично вижу. Вот, смотри, – и она протянула к светлому небу обтянутую перчаткой руку.

Бураго стукнул палкой, круто повернулся и пошел прочь. Валя догнала его и взяла под руку.

– Подлая штука старость, детка, – грустно сказал он и, чтобы переменить тему разговора, спросил: – Мы не опаздываем? Уже одиннадцать.

Они повернули к широким воротам своего дома. Завидев Бураго, дворник распахнул калитку. С заискивающей поспешностью сдернул шапку и поклонился.

– Противный он... Всегда так подобострастно кланяется, – сказала Валя отцу.

– Человек как человек, – равнодушно ответил Бураго.

Тайна стаканчика

Проспект был безлюден. Двое моряков шли не спеша, оживленно разговаривая. Судя по нарукавным знакам, один из них был капитан-лейтенантом; на другом была форма майора морской авиации.

Трудно было узнать в этих командирах двух когда-то неразлучных друзей – Саньку Найденова и Пашку Житкова. На верхней губе Житкова, голубоглазого блондина, виднелись небольшие, подстриженные аккуратной щеточкой усы. От них по щекам и по носу золотистой рябью разбежались веснушки. Смуглый, черноволосый Найденов казался более хрупким и нервным, чем его спокойный, жизнерадостный товарищ.

– Замечательно хорошо, Паша, что мы встретились именно теперь, – говорил Найденов. – Еще бы немного – и не застал бы ты меня.

– Не делай таинственного лица, – усмехнулся Житков. – Я знаю о твоей работе. По долгу службы я должен был ознакомиться с ней. Она близка к концу... А вот знаешь ли ты, Саша: за два года, что мы не виделись, я стал твоим противником? – По гладкому говору заметно было, что от прежнего мальчишеского заикания не осталось и следа.

– Противником? Ты? – удивленно воскликнул Найденов.

– Представь себе, – Житков взял друга под руку. – Ты добиваешься возможности определять местонахождение самолета или судна, недоступных ни зрению, ни слуху. А я, кажется, близок к тому, чтобы свести на нет все твои усилия.

Найденов испытующе посмотрел на Житкова.

– И если я добьюсь того, что ищу, – никакие твои искусственные «уши» не смогут найти мою подлодку, – уверенно добавил Житков.

– Даже в надводном положении? – живо спросил Найденов.

– И самолета в воздухе ты тоже не найдешь, если, конечно, не услышишь.

– Вот тут-то мы тебя и поймаем! – воскликнул Найденов. – Процесс превращения звуковых колебаний в световые мною уже почти изучен.

– Почти. А ты уверен в успехе?

– Ни малейших сомнений: я решу эту задачу! – с горячностью сказал Найденов. – И тогда...

– Тогда? – переспросил Житков.

Глядя на друга сияющими глазами, Найденов с расстановкой произнес:

– Тогда я... женюсь.

Житков остановился как вкопанный.

– Что ты сказал?!

– Да, да, – весело воскликнул Найденов. – Женюсь! Я, убежденный холостяк, враг мирного семейного очага в жизни командира, и вот: женюсь! Честное слово, Павлушка, кажется, еще никогда в жизни я не был так счастлив, как именно теперь!

Житков покачал головой.

– Нет, это не для меня, – решительно заявил он. – Либо – либо. Подводное, да и вообще морское дело нельзя ради чего-то постороннего, ради личного отрывать от себя, от своего существа, от мыслей, желаний, чувств.

– Как был загибщиком, так и остался, – сказал Найденов.

– А на тебе я просто ставлю крест как на командире. Да. И как на ученом – тоже, – решительно резюмировал Житков. – Забыл наш завет – и баста. Да будет тебе пухом брачная плита!

Житков стал с подчеркнутым вниманием разглядывать номера домов.

– Однако я с тобой забрел невесть куда. Хорошо еще, хоть улица – та самая, что мне нужна. Но теперь уж поздно. Небось мой ученый спит, как сурок.

– Вот и отлично, – обрадовался Найденов, – идем со мной, познакомлю тебя с такой девушкой, какой ты в жизни не видывал.

– Поздно, – возразил Житков. – Ночь на дворе.

– Пустяки! Мы так и условились – на одиннадцать. Идем, идем! – И Найденов потащил приятеля к воротам, у которых стоял дворник. Тот услужливо распахнул калитку и низко поклонился Найденову.

Найденов быстро взбежал по лестнице и нажал пуговку звонка. Дверь отворила немолодая полная женщина в платье в черно-белую клеточку, в нарядном белом фартуке с оборками.

«Ого, “барский” дом?» – неприязненно подумал Житков. И неохотно отдал женщине фуражку. При этом он заметил, что женщина нечисто говорит по-русски.

– Они что, – немцы, что ли, твои будущие родственники? – спросил он Найденова, идя за ним в гостиную.

– Немцы?.. Почему немцы? – удивился Найденов. – Ах, ты об Аделине Карловне! Она здесь экономкой лет сорок. Профессор в ней души не чает.

В комнату вошла Валя. Пришел и Бураго. Он снова был в теплой пижаме, в обрезанных валенках, с трубкой в зубах. У Житкова мелькнула мысль: его не ждали, он некстати. И он решил поскорее откланяться, сославшись на какое-нибудь неотложное дело.

– Помилуйте, батенька, какие же дела по ночам? – добродушно загудел Бураго. – Да еще неотложные!.. Разве только...

– Надо отыскать тут одного ученого червя... – смутился Житков.

– Э, батенька, все черви давно заползли в свои норы. Идемте-ка лучше чай пить.

– Право же... – отнекивался Житков. – Это где-то здесь, на вашей же улице. – Он заглянул в книжечку: – Дом пять...

– Так это же в нашем доме! Может быть, я даже знаю этого вашего «червя»?.. Квартира?

– Квартира?.. Квартира... – Житков справился с записью: – Семнадцать.

– Ого! – Старик расхохотался. – Уж не ищите ли вы старого, выжившего из ума профессора Бураго?

– Совершенно верно! – обрадовался Житков. – Говорят, чудаковатый старикан. Но мне его рекомендовали, как...

– И совершенно зря рекомендовали, – решительно отрезал Бураго. – Старая перечница! Говорю вам с полной ответственностью: выжил из ума старый хрен. Окончательно выжил. Сегодня это установлено с полной точностью его собственной дочерью. Зря потеряете время у этого драбанта. Идемте, господа, чай пить. Валек, за чай, за чай!

Старик, посмеиваясь, пошел в столовую. На каждом шагу задники стоптанных валенок громко хлопали его по пяткам.

Житков растерянно посмотрел на Валу и Найденова, которые были явно смущены происшедшим недоразумением.

– Вы в самом деле ищите профессора Бураго? – спросила Валя.

– Конечно, – с легкой досадой отвечал Житков, чувствуя ужасную неловкость.

– Так ты уже нашел его! – весело сказал Найденов, стараясь разрядить обстановку.

Войдя следом за Валею и Найденовым в столовую, Житков решительно не знал, куда ему деваться от смущения.

Но старик, добродушно махнув рукой, сказал:

– Ничего, бывает! Садитесь. О делах после. Сначала чай. Это куда важнее. – И крикнул так, что зазвенели ложечки в стаканах: – Тузик! Чай на столе!

Послышался удар в дверь, и на пороге показался огромный сенбернар. Зевая, он степенно вошел в столовую, внимательно, со знанием дела обнюхал гостей, мимоходом вильнул хвостом Вале и, подойдя к Бураго, положил тяжелую голову на его колени.

Экономка в клетчатом платье принесла пыхтящий самовар. Валя принялась было хозяйничать, но Бураго хитро подмигнул ей:

– Не задать ли этим господам хорошую физическую загадку? – весело сказал он, потирая руки, и отправился в кабинет.

В ответ на удивленно-вопросительный взгляд Житкова Найденов только улыбнулся.

– Александр Иванович – великий фокусник. Держись! Если не найдешь отгадки, навсегда падешь в его глазах как физик!

– Папа – великий факир... – с важностью подтвердила и Валя.

Она не успела договорить, как из кабинета послышался громоподобный, встревоженный голос Бураго. Все вздрогнули.

– Аделина Карловна! Аделина Карловна!

Экономка в клетчатом платье стремительно шмыгнула через столовую.

– Вы были здесь? – послышался рокот могучего баса.

– Шо ви, Александр Ифаныч, зашем? – испуганно залепетала женщина.

– Вы взяли стакан?! – крикнул старик.

– Ах, стаканшик! Такой маленький стаканшик для бриться? Майн готт! Конечно, я убирала.

– Как вы смели брать то, к чему я запретил вам прикасаться?! Кто разрешил вам, милостивая государыня, трогать стакан?

– Но он был грязни, его надо шистить, – оправдывалась экономка. – А когда я сталь его шистить, увидаль, што он распаяльсь.

– Не стакан, а голова у вас распаялась, милостивая государыня! – кричал Бураго.

Экономка, пятась, вышла из кабинета. На нее наступал, потрясая огромным кулаком, Бураго.

– Стакан?! – орал он. – Где стакан?

– Я даль его шинить Федор Васильевич...

– Сейчас же, немедленно вернуть! – выкрикнул Бураго и, задыхаясь, упал на стул. От волнения он изменился в лице. Не ускользнула от внимания Житкова и бледность Вали. Девушка поспешно выбежала вслед за экономкой из комнаты.

Старик поднялся и молча поплелся в кабинет, сопровождаемый поникшим сенбернаром.

– Ничего не понимаю, – тихо сказал Житков другу, когда они остались одни: – Столько шума из-за какого-то стакана! – Но, увидев, что общее волнение передалось и Найденову, умолк.

– Мне эта история не нравится, – задумчиво проговорил Найденов.

– Да что это за таинственный стакан? – нетерпеливо спросил Житков. – Объясни мне!

– Вообще было ошибкой приносить его домой, – продолжал Найденов.

– А кто этот Федор Васильевич, взявшийся чинить стакан?

– Федор Васильевич?.. – переспросил Найденов. – А-а-а, это здешний дворник. – И с этими словами он торопливо вышел следом за Валией.

Аделина Карловна старается не шуметь

Житкова оставили в столовой, казалось, нисколько о нем не заботясь. Бураго, шаркая валенками, несколько раз входил в комнату и сердито спрашивал:

– Еще нет? – И, не дожидаясь ответа, снова исчезал в кабинете, оставляя после себя сизое облако тяжелого махорочного дыма.

Наконец вернулись Найденов и Валя. В руке у девушки Житков увидел алюминиевый стаканчик для бритья.

– Сколько раз толковал Александру Ивановичу: ничего не выносите из лаборатории!.. – раздраженно говорил Найденов, не замечая появившегося в дверях Бураго.

Старик нетерпеливо выхватил из рук дочери стаканчик, внимательно осмотрел его, поднеся к самым глазам, и только тогда обратился к Найденову:

– Мне, сударь мой, восьмой десяток-с! В советчиках не очень-то нуждаюсь...

– Александр Иванович... – начал было виноватым тоном Найденов. Но старик, не слушая его, повысил голос:

– Пушкарских дел мастер Онуфрий Бураго для царя Ивана Казанский кремль порохом взорвал; корабельные мастера Бураго, отец и сын, царю Петру азовскую эскадру строили; инженерный кондуктор Степан Бураго с шестовой миной в руках на турецкие корабли ходил!.. Э, да что вспоминать! Разве мало того, что поручик по адмиралтейству Александр Бураго под сопкой Большой у Порт-Артура свою минную галерею до самой японской осадной батареи довел и взорвал. Да, милостивые государи, взорвал-с! Несмотря на то, что под землей, как крот, дерясь с врагом зубами и лопатой, вот в эту самую грудь два японских штыка принял! Вот-с, господа! – Старик распахнул пижаму. На широкой груди его белели два шрама.

Молчание воцарилось в столовой.

– Сейчас не это нужно, – неожиданно сказал Житков, и все посмотрели на него, а Бураго нахмурился. – Война идет пока втемную, втихую, подчас с завязанными глазами, на ощупь. Враг подл и хитер. Он проникает к нам в любом обличье, подчас и в юбке...

– К чему это, молодой человек? Что вы хотите сказать? – насторожился старик.

– Прошу простить меня, профессор, – сказал Житков. – Может быть, это и не мое дело, но...

– Не ваше дело? – вскинулся Бураго. – Так чье же, ежели не ваше? Мое личное, что ли? Наше дело, общее дело! Ругайте меня, господа, ругайте, коли заслужил. Сколько раз Саша говаривал: «Не носи, старый дурень, домой секретных вещей, не носи!» Видно, комиссара мне хорошего не хватает. Ладно, завтра же рапорт подам: пусть сажают мне на шею помощника.

Старик поглядел на стаканчик, который продолжал держать в руках. Покачал головой, улыбнулся.

Он любовался стаканчиком, словно это было редчайшее произведение искусства. Жестом фокусника поставил его на середину стола, снял крышку, сунул ее в карман. Велел Вале наполнить стакан кипятком. По мере того как стенки стакана нагревались водой, он исчезал, словно таял в облачке пара. А когда его и вовсе не стало видно, Бураго взял со стола нечто невидимое, перевернул – и вода струйкой полилась из пустого пространства в полоскательницу. Житков смотрел не отрываясь.

– Тот, кто посылал меня сюда, знал, что делает, – взволнованно сказал он, наконец подошел к старику и порывисто схватил его за руку. – С этим можно перевернуть все представления о подводной войне. Я думал, что сделал много, но, оказывается, все это ничего не стоит рядом с тем, чего достигли вы.

Старик заметно повеселел. Раскурив трубку, он большими тяжелыми шагами расхаживал по комнате и, обращаясь главным образом к Житкову, говорил:

– Добиться невидимости, хотя бы для человеческого глаза, значит произвести переворот в военной технике. Моей лабораторией кое-что уже сделано в этом направлении. Но кое-что еще и неясно. А знаете, кто больше всех полезен мне на данном этапе работы? – Бураго широким жестом указал на Найденова: – Вот он, мой противник! Именно то, что он работает над методом определения невидимого объекта комбинированным оптико-акустическим прибором, дает мне возможность проверять самого себя. Консультируя Найденова, я опровергаю свои же поиски, и не успокоюсь, пока не увижу, что опровергнуть меня уже нельзя.

– Выходит, что если вы добьетесь невидимости объекта, Александр опрокинет ваши достижения тем, что все равно сумеет найти его в пространстве раньше, чем акустики уловят его шум? – спросил Житков.

– Вот, вот! Почти так, но не совсем. Он действительно сможет определить положение в любой среде, – будь то вода или воздух, – любого предмета вне предела видимости человеческого глаза, если... если этот предмет не будет иметь моего защитного покрытия, парализующего излучение тепла.

– Все это еще раз доказывает, что ваше открытие не должно попасть в чужие руки, – сказал Житков.

– Да, да, вы правы, – произнес старик и, схватив со стола стаканчик с таким видом, словно ему угрожала опасность, понес в кабинет, ворча себе под нос: – Вы правы, вы правы, господа! Молодые люди, посидев еще немного с Валеи, распрощались и вместе вышли.

* * *

Оставшись один в кабинете, Бураго еще долго расхаживал от шкафа к шкафу.

Вынув из кармана крышку стаканчика, он внимательно осмотрел ее. Ему показалось, что в одном месте металл поврежден острым предметом. Бураго взял лупу, долго рассматривал поцарапанное место, а потом, недовольно покачав головой, спрятал крышку вместе со стаканом в потайной ящик огромного старинного бюро.

Долго сидел он, откинувшись в старом кожаном кресле, и жевал конец бороды. Потом взял перо. Поспешно набрасывая в блокноте какие-то формулы, он вырывал из блокнота исписанные листки и откладывал в сторону, под пресс. К утру, когда за окнами стал слышен визг трамваев, Бураго собрал листки, просмотрел все написанное и, напевая что-то веселое, вошел в комнату Валеи.

Удивленный тем, что дочь спит, он недоуменно поглядел на часы. Они показывали пять. Старик подошел к окну. Проспект просыпался. Дворники с метлами в руках болтали и курили, не торопясь приступить к утренней работе. Со стороны вокзала, неистово визжа колесами, на повороте показался трамвай. Когда вагон остановился, из него вылезли молочницы и, гремя бидонами, завернули за угол, к рынку...

Вернувшись к себе, Бураго сложил исписанные листки в портфель. Но, подойдя к дивану, где ему, по обыкновению, была приготовлена постель, задумался. Вынул листки из портфеля и переложил в бумажник. Бумажник сунул под подушку. С неожиданным для его седин проворством разделся, залез под одеяло и потянулся, закинув руки за голову. Потом, словно вспомнив что-то, быстро сбросил одеяло, нащупал босыми ногами туфли, отыскал в углу кабинета тяжелую трость и принялся отвинчивать от нее ручку из слоновой кости. Несколько оборотов – и в одной руке Бураго оказался тяжелый стилет, а в другой – трость-ножны. Он подул в их пустую полость и с довольным видом улыбнулся.

– Вот это портфель! – с радостным удивлением сказал Бураго важно восседавшему рядом с ним Тузику и принялся разъединять клинок и служившую ему эфесом ручку. Проделав это, он вынул из бумажника листки, свернул их трубочкой и засунул в полость трости, а ручку привинтил на место. И лишь после этого лег в постель и поставил дубинку в изголовье.

Скоро в кабинете, защищенном от уличных шумов тяжелыми портьерами, не стало слышно ничего, кроме хрипловатого с присвистом дыхания старика и мерного посапывания сенбернара.

Часа два в квартире царила тишина. Потом послышались осторожные шаги: Аделина Карловна в мягких домашних туфлях убирала квартиру. Когда все комнаты кроме тех, где спали отец и дочь, были убраны Аделина Карловна принялась чистить платье. С такой же педантичностью, с какой она только что обтирала мебель и мыла чайную посуду, женщина чистила теперь китель Бураго, его ботинки. Покончив с этим, она направилась в кабинет, неслышно отворила дверь, плавными мягкими движениями разложила все по местам, сняла со спинки стула брюки. На ковер почти бесшумно выпал из кармана какой-то блестящий предмет. Аделина Карловна замерла, испуганно покосилась на Бураго. Он спал. Она нагнулась, подняла стилет, долго и внимательно разглядывала его. Потом ее взгляд остановился на прислоненной к дивану трости. Положив клинок на место, экономка еще раз всмотрелась в лицо спящего и, схватив трость, исчезла так же неслышно, как вошла.

Некоторое время спустя, когда Валя, сладко потягиваясь после сна, вошла в халатике в кухню, Аделина Карловна старательно протирала влажной тряпкой профессорскую трость. Завидев Валу, она оставила трость и, ласково притянув к себе девушку, поцеловала ее золотые полосы.

– Гутен морген, майн херцхен.

А еще через несколько минут брюки Бураго, тщательно вычищенные и расправленные, висели на прежнем месте. У изголовья дивана стояла толстая черная трость с набалдашником слоновой кости.

Совет молодых

На следующий день в кабинете Бураго в отсутствие хозяина собрались Валя, Найденов и Житков. Двухлетняя разлука, вызванная службой, не подорвала старой дружбы молодых людей – дружбы, рожденной в годы Гражданской войны, скрепленной совместной учебной и дальнейшей работой в области любимейшей друзьям физики. Не могло их разъединить и то, что они увлекались различными разделами этой науки. Море и воздух – стихии столь же родные, сколь и несхожие между собой, – прочно соединили судьбы молодых друзей, и любовь к воздуху и морю была в них так же крепка, как их дружба. Каждый по-своему: Житков – в подводном деле, Найденов – в морской авиации, – они навечно посвятили жизнь огромной, захватившей их своим величием и красотой задаче – строительству родного флота. Перед глазами молодых пареньков – добровольцев Саньки и Пашки – прошла борьба за судьбы черноморской эскадры. Слова командира «Керчи» о русском флоте, который возродится из очищающего пламени революции еще более прекрасным и могучим, навсегда запали в души друзей, и они решили всю свою жизнь, все силы и помыслы отдать флоту. Не случайно поэтому, что по окончании аспирантуры в Институте физико-технических проблем, где оба защищали кандидатские диссертации, они оказались в Морской академии. И вот тропа жизни молодых друзей, то скрещиваясь, то вновь разбегаясь, в конце концов привела их в этот кабинет, в кабинет старого ученого, инженер-контр-адмирала Александра Ивановича Бураго. Неважно, что они пришли сюда в разное время и за решением задач не только различных, но даже антагонистичных. Так или иначе, но они снова были вместе.

Сегодня друзья собрались для обсуждения своих планов – общих в главном и в то же время противостоящих один другому.

Скоро беседа приняла бурный характер.

Житков широкими шагами мерил вдоль и поперек кабинет, говорил горячо, взволнованно жестикулировал:

– Профессор правильно ставит вопрос: «Раз я сам убедился в том, что мне нужен комиссар, – я хочу иметь его. Прежде всего, это должен быть коммунист-ученый. Это должен быть человек, верящий мне так же, как я верю ему, и – вместе с тем способный контролировать каждый мой шаг, во всем, что я делаю, допускать возможность ошибки!» И тут он грохнул кулачищем по столу: «Черт возьми, – говорит, – пусть наконец Найденов сомневается во всем, что я делаю, но раз это нужно, раз это приведет нас всех к нужной цели, будем работать и придем!» – Житков обернулся к Вале: – Говорил он так? Говорил?

Валя молча кивнула головой. Житков продолжал с прежним подъемом:

– Старик четырежды прав, указав на тебя, Саша, как на желательного друга и помощника. Верно, Валя?

При этих словах Житкова Найденов с надеждой посмотрел на девушку: должна же она понять, что ему эта роль вовсе не с руки. Но Валя молчала.

Тогда Александр сказал:

– Пойми, Павел, эта работа уведет меня от собственных исканий. И в конце-то концов вовсе не обязательно выполнять все желания Александра Ивановича...

Он снова взглянул на Валу, ища ее поддержки, но, к своему удивлению, не встретил привычной ободряющей улыбки девушки.

А Житков продолжал развивать свое:

– Ты будешь следить за тем, чтобы начатые работы не глохли, – твердил он. – То, что я видел вчера здесь, в столовой, убеждает меня в своевременности перенесения работ на опытное судно. А может быть, и прямо на боевой корабль, под воду, к черту в зубы, в общем – поближе к практическим условиям!

– Александр Иванович никогда не согласится выпустить из своих рук незаконченную работу, – сказал Найденов. – Он не отдаст незавершенный труд в чужие руки. Как ты думаешь, Валя?

Девушка неопределенно пожала плечами.

Найденов подошел к окну и задумался. В душе он полагал, что командование возложит на него роль своеобразного шефа лаборатории: ему верят, его знают как физика, осмотрительного человека, бдительного коммуниста. Но мысль, что назначение сотрудником Бурого все же помешает научной работе, не давала покоя. И он колебался.

– Тебя не интересуют мои опыты? – в упор спросил он Житкова.

– Я не хотел тебя расспрашивать, чтобы... Словом, не хотел быть нескромным, но, конечно...

– Ты думаешь, между нами могут появиться секреты? – перебил его Александр и улыбнулся: – Ты забыл то, что было сказано когда-то на мостике «Керчи» о дружбе?

– Такого не забудешь, – отозвался Житков: – «Великая вещь – дружба, мальчики. Берегите ее как зеницу ока». И, честное слово, он был прав, этот Кукель: «Вяжите дружбу канатом».

– Но дружба не терпит тайн...

Житков обнял Найденова за плечи. Валя смотрела на друзей и улыбалась.

– Пора в институт, – строго сказала она. – У Саши сегодня как раз есть время показать вам свои работы. Но смотрите, не опоздайте в лабораторию к назначенному папой времени. Он педант.

Кунсткамера старого факира

Житков с интересом слушал объяснения Найденова, демонстрировавшего ему свои успехи. Он хорошо помнил дискуссию, вспыхнувшую вокруг открытия Найденова, в те дни еще скромного аспиранта Института физико-технических проблем. Тогда казалось, что спор так же внезапно угас, как и начался, но в действительности он не прекратился и лишь перестал быть гласным, ушел в стены секретных лабораторий. Темой этого спора была опубликованная в «Известиях» названного института работа молодого ученого Александра Ильича Найденова, носившая довольно мудреное название: «К вопросу о трансформации звуковых и тепловых волн в световые и об их спектральном разложении».

Позднее, когда работа от общих научных положений и предположений перешла к совершенно конкретной узкой задаче, она перестала быть предметом гласности. Ею заинтересовалось военно-морское ведомство. Тогда к заглавию темы в планах института прибавились слова: «...как методе определения в пространстве невидимого и неслышимого объекта».

Найденов оказался первым, кто указал путь к практическому использованию открытого академиком Вогульским метода спектроскопического анализа звуковой волны. Сконструированному им прибору он дал несколько условное название – «оптический звукоискатель», но чаще всего его называли просто «оптическое ухо Найденова». Это «найденовское ухо» и явилось первым мостиком между теоретическими изысканиями «высокой» науки и практикой.

Житков был поражен экспериментом, который продемонстрировал перед ним Найденов.

– Ты понимаешь, Саша, чего стоит твоё открытие в соединении с моим! – воскликнул моряк. – Это же победа! Верная победа! Судно, остающееся невидимым противнику, само может видеть и слышать его даже под водой, даже в темноте! Ты понимаешь, что это значит? – Он подбежал к приятелю, обнял его. – Нет, ты скажи мне: отдаешь себе отчет?

– Но представь себе, что противник располагает тем же: невидимостью и зрением в темноте. Тогда начинается какая-то немыслимая война невидимок.

Прежде чем Житков успел ответить, в комнату вошла Валя.

– Вас ждут, – сказала она Житкову.

– Вы со мной? – спросил он.

– Нет, я останусь здесь. Кабинет – третья дверь налево.

Житков вышел в просторный коридор. Свет лился из стеклянной трубки, протянутой под потолком вдоль всего коридора. Все здесь сверкало особенной, скрупулезной морской чистотой.

При появлении Житкова Бурого приветливо пробасил:

– Друзья моих друзей – мои друзья. Милости прошу в «кунсткамеру факира». – Он расмеялся. – Так тут называют мое логово.

Но на этом его веселость и кончилась. Сразу став серьезным, едва они заговорили о научной стороне дела, Бурого попросил Житкова рассказать о его работах. Он внимательно слушал Павла, сосредоточенно ковыряя какой-то провололочкой в своей трубке. В прогоревшее доньшко этой старой трубки, как заметил Житков, была вставлена серебряная монетка.

Старик похвалил Житкова за остроумный вариант решения кардинального противоречия, встающего на пути всех, кто пытается преодолеть проблему невидимого корабля, – парадокса максимального отражения и одновременного поглощения лучей света защитным покрытием.

– А теперь – в святая святых, – сказал он наконец, сводя к переносице мохнатые брови. И, сунув трубку в карман, отпер низенькую дверь, замаскированную дубовой панелью.

Стены комнаты были без окон, но яркий свет в ней не отличался от дневного. Он исходил из каких-то сильных ламп, скрытых за карнизами-отражателями.

Житков переступил порог и остановился как вкопанный. Он едва не шагнул в зияющее под ногами темное пространство широкого квадратного отверстия в полу.

– Ага! – весело воскликнул Бураго.

Павел непонимающе посмотрел на старика, а тот шагнул к отверстию и занес над ним ногу. Житков инстинктивно протянул руку, чтобы удержать старика, но тот спокойно опустил ногу в пустоту, и Житков услышал, как каблуки старика стукнули о пол. Остановившись, Бураго жестом пригласил моряка следовать за собой. Житков сделал шаг, другой – под ним... был твердый пол. Сделал еще один шаг и ударился коленом о что-то твердое. Раздался стук упавшего стула.

Житков наклонился и растерянно повел руками в пустом пространстве. Нашупал упавший стул...

Бураго заразительно, весело, как юноша, смеялся. Он обошел что-то, невидимое Житкову, приблизился к противоположной стене и вдруг, смешно перебирая в воздухе ногами, начал подниматься по невидимой лестнице. Потом он пошарил в воздухе руками. Послышался звон стеклянной посуды. Держа в руках невидимые сосуды, Бураго опустил с невидимой лестницы и поставил их на невидимый стол. Он проделывал все это привычными движениями человека, изучившего здесь каждый сантиметр пространства.

Житков не удержался от возгласа:

– Это гениально! Чего же еще вы хотите?

От смеха борода старика вздрагивала на широкой груди. Но вот выражение его лица внезапно сделалось почти сердитым.

– Детские забавы, сударь мой, игра-с, – пробрюзжал он. – Преодолено едва десять процентов трудностей. Всего-навсего закончена борьба с человеческим зрением. Путем довольно несложной комбинации составов, отражающих лучи света и его поглотителей, удалось обмануть человеческий глаз, – вот и все. А это, повторяю, едва одна десятая проблемы. Дальше – почти глухая стена. Начинается борьба с матушкой-природой, которая посильнее своего двуногого царя.

С этими словами Бураго подошел к стене и, взявшись за невидимый шнурок шторы, потянул его. Послышался звон колец, шуршание ткани. В широкое окно ворвались лучи яркого солнца, и в этом потоке естественного света Житков ощутил разницу в восприятии окружающего. Он не сразу отдал себе отчет, в чем эта разница, но когда понял ее сущность – с трудом удержался от возгласа разочарования: вещи стали ясно видимыми с той стороны, где их освещало солнце, и оставались едва различимыми, смутными силуэтами со стороны, откуда падал искусственный свет ламп. Но, пожалуй, самым ошеломляющим и самым разочаровывающим было то, что на полу и на стенах отпечатались резкие тени невидимых предметов – стола, стульев, полок, колб, стремянки, прислоненной к стеллажу. Вероятно, это было простым обманом зрения, но от неожиданности контраста (тени невидимых вещей!) контуры этих теней казались даже более резкими, нежели тени видимых предметов.

– Теперь вы видите: все это не стоит ломаного гроша, – печально проговорил Бураго. – Как физики, мы с вами можем радоваться достигнутому, но как слуги флота никнем головой перед своим бессилием...

Старик проявляет растерянность

Когда они вернулись в рабочую комнату Бураго и уселись в кресла, Житков задумался. Старик, не мешая ему, занимался своим делом. Оба долго молчали. Наконец Житков поднял голову:

– И все-таки, Александр Иванович, следовало бы теперь же провести опыты в море...

– Чепуха! – сердито выпалил Бураго. – Надо мной стали бы смеяться. Тень мачты, рубки, тень орудия, отброшенная на воду. Тени на пустом месте! Я еще не научился красить тени на воде, милостивый государь!

– И все-таки, – сказал Житков, помолчав, – все-таки я хотел бы взять это в море. Дайте мне! – добавил он решительно.

– Вы что же, воображаете, будто я дам вам неоконченную работу? – воскликнул Бураго. – Ну уж нет! Мало того, что над Бураго будут смеяться, вы хотите, чтобы я отдал в чужие руки судьбу работы, которую мечтал сделать эпилогом своей жизни? Ну, знаете ли, молодой человек... – Старик развел руками.

– Александр Иванович! – горячо воскликнул Житков. – Я об этом уже думал. Саша говорил, что вы не выпустите неоконченной работы. Я понимаю... – Житков торопился сказать все, пока его не оборвали грозным окриком. – Все так. Но это же можно обойти! Я возьму ваше изобретение с собой, но оно останется в ваших собственных руках. Ежечасно, ежеминутно вы будете следить за ним, вы будете контролировать каждый мой шаг, вы будете руководить мной!

– Фантазмагория! – пробасил Бураго. – Воображаете, что я потащусь с вами на опытный корабль или, чего доброго, еще на вашу подлодку? Да меня, батенька, при переезде на острова от одного вида соленой воды мутит!

– Вы останетесь у себя дома – где хотите! Но... Со мною может ехать ваша дочь!

– Как-с? – крикнул неожиданно высоким, срывающимся фальцетом старик. – Ваш Найденов при мне, а моя Валентина – при вас?.. Ну, знаете, сударь мой!.. – Он развел руками. – Она должна бросить дом, отца, работу в институте, кандидатскую диссертацию... И все ради того, чтобы мчаться с первым встречным в неизвестность?.. Скажите, молодой человек, вам никогда не советовали сначала обдумывать то, что говорите? – Бураго поднялся и прошелся по комнате. – Хотел бы я посмотреть на физиономию моей дочери, если рассказать ей о столь заманчивом предложении. А еще больше хотелось бы видеть при этом вашего друга Сашу.

– Что ж, – спокойно произнес Житков, – охотно повторю это предложение им обоим.

Бураго подошел к столу, нажал кнопку звонка и попросил вошедшего секретаря позвать Валю. Когда та пришла, старик пересказал ей предложение Житкова.

Она посмотрела на Павла, перевела взгляд на отца и с неожиданным спокойствием оказалась:

– Именно эта мысль приходила и мне...

– Черт знает что! – воскликнул Бураго, и плечи его поднялись почти к самым ушам. Стремительно подойдя к телефону, он набрал номер Найденова. – Прошу немедленно зайти ко мне! – И в раздражении бросил трубку мимо рычага.

Валя терпеливо, с подчеркнутым спокойствием взяла ее и положила на аппарат.

* * *

Найденов шел к Бураго с готовым решением: согласиться на его просьбу стать помощником. Он вошел в кабинет Бураго веселый, с заранее приготовленной фразой, которой думал обрадовать и старика и Валю. Но прежде чем за его спиной затворилась дверь, он был встречен гневным взглядом Бураго.

Услышав предложение Житкова, Найденов поглядел на Валу. Он ожидал ее решения.

– Я уже высказала папе свою точку зрения, – сказала она, не глядя на Александра. – Давайте считать вопрос решенным.

С подчеркнутым спокойствием, за которым он пытался спрятать раздражение, удивление, почти испуг, Александр проговорил:

– Что ж, давайте считать так...

Старик пожал плечами и подошел к сейфу.

– Ваши уроки действуют, молодой человек, – сказал он Житкову с неудовольствием, отпер сейф, достал металлический стаканчик и протянул его Павлу. – Добиться того, чтобы он оставался невидимым и в холодном состоянии, придется уже вам самому.

В голосе старика звучало неверие и насмешка. Он подошел к вделанному в стену умывальнику и открыл кран с горячей водой. Когда стаканчик наполнился, он закрыл его крышечкой и водрузил на середину письменного стола. Все смотрели на стакан, ожидая, что он начнет исчезать, и скоро он действительно стал невидимым. Однако крышка осталась такой же, какой была.

Она словно повисла в воздухе. Бураго снял ее, осмотрел. Схватил стакан, выплеснул воду. Еще раз наполнил более горячей водой, снова закрыл, но крышка так и не исчезла с глаз затаивших дыхание зрителей.

Бураго схватил стакан. Рука его дрожала. Вода полилась на ковер. В устремленном на дочь взгляде старика была растерянность.

Исчезновение профессора Бураго

Прошел месяц. Найденов ревностно исполнял новые для него обязанности помощника Бураго.

Он никогда не думал, что отъезд Вали может создать в его жизни такую пустоту. Совершенно невольно он начал спешить с решением проблемы невидимости, временно отложив работу над своим «оптическим ухом». Таким образом, все усилия Бураго и все внимание Найденова были теперь направлены на помощь уехавшим Вале и Житкову. Однако далеко не все шло гладко. Работа коллектива опытного корабля «Изобретатель» давала пока значительно меньше, чем рассчитывали получить Валя и даже сам Житков. Чуть ли не ежедневно с антенны «Изобретателя» неслись радиogramмы в лабораторию Бураго с отчетами о проделанном и запросами о том, что и как делать дальше. Валя нервничала. Порой ее раздражало то, что она была бессильна ответить за отца на целый ряд вопросов Житкова.

Все это привело к тому, что Бураго, очень скоро поняв, что на опытном корабле не все благополучно, отправился туда сам.

Найденов остался один. От старика прибыл приказ не ждать его раньше, чем через несколько дней. Вероятно, в другое время такая задержка огорчила бы Найденова, но сейчас он был доволен, и этому были свои причины: присутствие Бураго могло помешать выполнению плана, намеченного Найденовым на одну из ближайших ночей.

После кропотливого расследования обстоятельств изготовления лака Найденов пришел к выводу, что поверхность крышки была перед покрытием лаком обработана столь же тщательно, как и весь стакан. Решительно никаких следов веществ, которые могли разложить лак на крышке, анализ не обнаружил. Значит, защитное покрытие вовсе не разложилось само по себе, как думал Бураго. Оно было снято преднамеренно.

Кроме Бураго и Вали, никто во всем институте не дотрагивался до крышки. Из этого Найденов сделал вывод: лак был снят вне стен института. Сопоставляя обстоятельства внезапного исчезновения крышки из домашнего кабинета Бураго и временное пребывание ее в посторонних руках, – Аделины Карловны и рыжего дворника, – можно было предположить, что именно тогда-то лак и был снят с крышки. Найденов уведомил об этом органы безопасности. Через несколько дней ему сообщили, что в такую-то ночь его просят быть как можно ближе к дому Бураго, чтобы тут же быстро определить, не содержит ли какой-либо из составов, которые ему покажут, защитного покрытия Бураго. Найденову предъявили несколько флакончиков. Они содержали самые безобидные жидкости: соляную кислоту для пайки, бензин, клопомор и дешевый одеколон. Все они были взяты в комнате рыжего дворника в его отсутствие, их необходимо было сейчас же поставить на место, чтобы не возбудить подозрений владельца.

К большому разочарованию Найденова, ни в одном из пузырьков и следов лака не оказалось. Найденову было досадно признаться в том, что он, видимо, поспешил со своими подозрениями. Резким движением он отодвинул от себя флакончики – и тут один из них упал, и одеколон пролился на еще горячую плиту. Кухня наполнилась противным запахом синтетического левкоя. Найденов поспешно подхватил флакончик. Нагибаясь за упавшей пробкой, он случайно взглянул туда, куда пролился одеколон: кусок плиты стал невидимым, словно испарился вместе с запахом левкоя.

Найденов чуть не подпрыгнул от радости. Он немедленно вернул все флаконы, оставив себе небольшое количество содержимого последней склянки.

Исследование в лаборатории показало, что в одеколоне «Левкой» был растворен лак Бураго. Роль дворника стала ясна. Оставалось выяснить, является ли Аделина Карловна его невольной пособницей или сознательной помощницей. Для этого Найденов должен был при-

нести на квартиру Бураго точный дубликат стаканчика с крышкой и оставить его на столе. Если и эта приманка побывает в руках дворника – роль экономки станет ясной.

Найденову не раз приходилось, заработавшись до поздней ночи с Бураго, оставаться у него ночевать. Он был в полном смысле слова своим человеком в доме. И потому, когда он пришел и заявил, что ему нужно поработать в кабинете Александра Ивановича, Аделина Карловна ничуть не удивилась.

Ночью Найденов оставил на столе Бураго дубликат стаканчика, приметив, как именно он стоит. Кроме того, на поверхность стаканчика были нанесены недоступные простому глазу метки, по которым сразу можно будет судить, проделывали ли над сосудом какие-нибудь манипуляции.

Утром, проснувшись на диване в кабинете Бураго, Найденов нашел свое платье и ботинки тщательно вычищенными заботливой рукой Аделины Карловны. В столовой на белоснежной скатерти сверкал кофейник, аппетитно пахли свежеподжаренные гренки.

Как только Найденов ушел, за квартирой было установлено тщательное наблюдение.

В институте Найденов нашел радиограмму от Бураго. Старик сообщал, что вылетает. Радиограмма была составлена в таких выражениях, что Найденов понял: у старика успех. И действительно, едва появившись в кабинете, Бураго весело крикнул:

– Ну, поздравляйте!

– Победа?

– Еще не совсем, но путь ясен. Ясен, ясен, как день! – оживленно потирая руки, повторял Бураго. – И ведь, черт его возьми, этого вашего приятеля: неплохая у него голова. Ей-богу, отличная голова! Конечно, это еще не законченный ученый, не хватает настоящих знаний, плоховато с методикой, но зато есть полет мысли. Они с Валентиной – прекрасная пара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.